

СМОТРИТЕ СЕРИАЛЫ
по детективам Людмилы Мартовой
на центральных телеканалах!

ЛЮДМИЛА
МАРТОВА

СТРАСТЬ НА ГРАНИ

Желание женщины

Людмила Мартова

Страсть на грани

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Страсть на грани / Л. Мартова — «Эксмо», 2016 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-699-87376-0

Путь к счастью нередко бывает тернистым. Лера Соболева, неуверенная в себе, затюканная бывшим мужем и стесняющаяся своей полноты, в полной мере ощутила это на себе: с недавних пор ее жизнь превратилась в непреходящий страх. Бесконечные придирки нового начальника, автомобильная авария, нападение неизвестного... Вдобавок она сама и члены ее семьи начали получать непонятные «подарки»: павлиньи перья, тушку кролика, кроличьи лапки... А потом в музее-усадьбе «Горки», где работала Лерина мама, случились два убийства подряд. Тогда Лера поняла: все происходящее связано с давними семейными тайнами, ведь когда-то ее дед, бывший председателем колхоза, нашел на территории усадьбы дворянского рода Ланских сундук со старинными изразцами, и больше их никто никогда не видел... Книга также издавалась под названием "Там, где твое сердце"

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87376-0

© Мартова Л., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1665 год	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Людмила Мартова

Страсть на грани

С любовью и благодарностью моему мужу, который уже больше двадцати лет позволяет мне делать все, что я считаю нужным.

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1665 год

Мастер был доволен. Отойдя от раскаленного горна, он внимательно осмотрел получившиеся плитки. Все они удались на славу – с точными линиями, богатыми красками и живостью образов. Из сияющих четырехугольников складывался выпуклый красочный узор. В центре каждой плитки располагалась белая раскрывшаяся чаша, обрамленная желтоватого цвета венком. Два голубых стебля, прописанных точно над венком, затем зеленые и голубые цветы – плитка дышала, будто напоенная силой травы и летнего ветра.

Промежутки между изразцами он заполнит нанесенными на темно-голубой фон зелеными, белыми и желтыми ветвями, сочными, полными радости и красоты. Зимой, когда церковная кровля покроется белым снегом, изразцовый узор будет особенно радовать глаз, напоминая о луговой траве и раскрывающихся ранним предрассветным утром кувшинках.

Мастер отложил плитки и вышел из оборудованной на скорую руку гончарной мастерской на улицу. В небесной сини растворялась белизна только что построенного храма, для отделки которого его и пригласил владелец усадьбы. Да что там пригласил – выпросил у могущественного патриарха Никона его лучшего ценинника! А тот разве посмел бы ослушаться?

Хозяйский дом был построен еще не полностью. Сначала возводили именно храм, и Степан в очередной раз одобрил правильный подход хозяина усадьбы, который Бога чтит больше, чем себя. Березовая роща за церковью шелестела нежной зеленой листвой, напоминая мастеру о Беларуси, где он родился и вырос.

С легкой тоской вспоминал Степан родной Мстиславль, из которого его привез «полоном» князь Алексей Никитич Трубецкой. Да что толку вспоминать о минувших днях! Вряд ли на родине его талант оказался бы востребованным в такой мере, как здесь. Сейчас он уважаемый изразцовых дел мастер, старший среди ценинников. За плечами работа по украшению Новоиерусалимского и Иосифо-Волоколамского монастырей, высоко оцененная самим Никоном, который приблизил его, Степана, к себе.

И свой неповторимый стиль, и авторский рисунок, однажды привидевшийся ему в ночной грезе полусна-полуяви и ставший его визитной карточкой – керамический фриз «павлинье око», – Степан придумал именно здесь, в России. Восемь лет понадобилось на то, чтобы отточить его до совершенства. Именно столько времени ушло, чтобы под патронажем Никона сделать изразцы для Воскресенского собора на Истре.

И вот он здесь, в усадьбе Артемия Болдырева, чтобы повторить свой шедевр на храме рядом с господским домом. Недешево это обходится, ну да у богатых, как известно, свои причуды. Может быть, он даже согласится выложить «павлинье око» на печи в главной усадебной зале. Почему бы и нет? Но это будет единственный дом в России, да и в мире, пожалуй, где подобная техника будет использована на печи.

Еще раз вдохнув запах свежеебоженной плитки, на которой цвел цветок граната, дающий неуловимое сходство с глазом заморской птицы павлина, Степан прикрикнул на отвлекшихся подмастерьев и принялся за работу.

Глава первая

Ноль внимания

«Все, что ты можешь, это быть готовой к лучшему. Чтобы, когда это лучшее придет, пригласить его зайти, потому что ты нуждаешься в нем».

Нина Добрев

Тридцатичетырехлетняя женщина, которая весит восемьдесят девять килограммов и воспитывает двоих детей, оставшихся ей в наследство после бурного и тяжелого развода, не имеет ни малейшего шанса на новое замужество.

Лера Соболева была полностью согласна с этой прописной истиной, о которой ей постоянно твердили бабуля и жизненный опыт. Им обоим Лера привыкла доверять. Ни бабуля, ни жизненный опыт ее никогда не подводили.

Тем не менее в данный момент она стояла на мохнатом, не первой свежести ковре перед распорядительницей городского ЗАГСа и сочеталась законным браком. Ее брали в жены вместе с восьмьюдесятью девятью килограммами, Степкой, Антошкой, возом неразрешенных проблем и кучей комплексов, терпеливо и любовно взращенных предыдущим мужем.

Бабуля, стоя в первом ряду гостей, аккуратно утирала слезы скомканным кружевным платочком. Степка и Антошка, одетые в строгие костюмы с бабочками, с независимым видом рассматривали огромный зал с лепниной под потолком. А жизненный опыт был решительно упрятан под складки свободного белого платья, и Лера строго следила, чтобы в самый неподходящий момент он ненароком не вылез, а она сама вследствие этого ничего не учудила. Она вполне могла бы сбежать с собственной свадьбы. С нее бы случилось.

«Может, он все-таки извращенец?» – размышляла она, поглядывая на стоящего рядом мужчину, то есть теперь уже мужа, которому на ее жизненный опыт вкупе с килограммами было решительно наплевать.

Муж на извращенца был не похож. Обычный среднестатистический мужик, работающий сменами в МЧС. Высокий, плотный, достаточно упитанный, с начинающими редеть волосами. По вечерам он любил выпить бутылочку пивка, в выходные благосклонно относился к затеянному Лерой пирогам, с Антошкой собирал модели самолетов и фрегатов, а Степке подарил первый в его жизни айфон. Дети его обожали и слушались гораздо лучше, чем мать.

– Зачем я тебе? – регулярно спрашивала у мужа, тогда еще потенциального, Лера, которая прекрасно понимала, что как подарок судьбы не может рассматриваться даже в первом приближении.

– Да люблю я тебя, идиотку, – неизменно отвечал он.

«Может, и правда любит», – уныло думала Лера, разглядывая себя в большое зеркало, намертво вмонтированное в стенной шкаф-купе. Если бы зеркало можно было выдрать без ущерба для дорогостоящей мебели, Лера обязательно бы это сделала. Зеркала она ненавидела так же сильно, как свое в них отражение.

Мужа звали Олег Золотов. Познакомились они у общих друзей, которых, как потом выяснилось, и друзьями-то было назвать трудно. Леру затащила туда старая, с детских лет, подружка Злата, недавно вышедшая замуж за какого-то потрясающего мужика, чуть ли не олигарха, и ставшая вследствие этого Аржановой¹.

Идти в гости Лера категорически не хотела. С утра она опять выясняла отношения с теперь уже бывшим мужем, который наматывал ее нервы на кулак почище корабельного

¹ Подробнее в романе Людмилы Зарецкой «Мой любимый сфинкс».

каната. Она уже и поплакать успела над своей никчемной жизнью, и пожалеть себя, и от души позлиться, что уродилась такой во всех отношениях неудалой. На работе у нее все валилось из рук, и новый начальник цеха смотрел на нее совсем уж неодобрительно. Конечно, то, что Лера его раздражает, было понятно с самого начала, но сегодня его неудовольствие было совсем уж выразительным. Оно было таким густым, что его можно было резать ножом, как хорошее масло.

Уж в чем в чем, а в масле Лера разбиралась, потому что институт закончила по специальности «технолог молочного производства», и цех, в котором работала, был одним из цехов молочного комбината, лучшего в области.

В общем, позвонившая в самый разгар ее плохого настроения Злата оказалась очень некстати, но отцепиться от нее было совершенно невозможно. Если Злата считала, что поступает правильно, остановить ее мог только новоиспеченный муж, да и то не всегда.

Так Лера оказалась в какой-то чужой квартире, за одним столом с людьми, которые, за исключением Златы, были ей совершенно незнакомы. И неинтересны. Впрочем, довольно быстро выяснилось, что один из мужиков, представившийся Олегом, очень даже занятный собеседник. Настолько, что где-то через полчаса они вдвоем тихонько смылись из гостей, чтобы съездить к церкви Успения Пресвятой Богородицы и на месте разрешить спор по поводу некоторых атрибутов ее убранства. Лера знала про церковь все, потому что диссертация ее мамы-искусствоведа как раз касалась убранства церквей. Но в данном конкретном споре неожиданно победил Олег, вдоволь насмеявшийся над ее непомерным удивлением этим обстоятельством.

Как-то так получилось, что они оказались у нее дома и долго и обстоятельно пили чай на кухне, отогреваясь после прогулки по морозным улицам. И как-то уж совсем незаметно для Леры новый знакомый воспользовался тем, что дети в связи с зимними каникулами были отправлены к бабушке, и остался ночевать. Аккурат к концу каникул он уже перебрался в соболевскую двушку с вещами. Лера даже глазом моргнуть не успела.

Больше всего ее поразило, что ради ее сомнительных прелестей Золотов оставил вполне себе приличную жену сорок шестого размера. К жене прилагалась еще и дочь – нежное создание шестнадцати лет, и наличие дочери Леру мучило особенно. Она искренне верила, что на чужом горе счастья не построишь. Но Олег все ее аргументы развеял в один присест, сразу заявив, что «любит ее, идиотку».

Спустя два месяца он получил развод, а еще через месяц они поженились. Такое стремительное развитие событий Леру пугало чрезмерно, но воля ее была парализована еще в баталиях с первым супругом, поэтому она сдалась на милость победителя, который ей, как на грех, сильно нравился.

В том, как он, похрапывая, спал, как ел, как пил свое пиво, как целовал ее, Леру, было что-то настоящее. Мужское. Он все делал основательно и со вкусом, начиная от прибивания всего того, что требовалось прибить в ее доме, оставшемся без мужского пригляда, до занятий любовью, которые доводили Леру до полного умопомрачения. Она даже не знала, что в постели с мужчиной положено испытывать такие ощущения, и уж совершенно точно была убеждена, что ни на что подобное не способна.

Они вместе гуляли по парку, подкармливая отошавших за зиму белок. Вместе водили детей смотреть на ледоход. Вместе пили вино в маленьком подвальчике неподалеку от дома. Вместе жарили по вечерам картошку. И вместе придумывали «казнь египетскую» для Леринного начальника цеха, который продолжал всячески выказывать ей свое нерасположение. Ей было искренне непонятно, отчего он на нее так взъелся, потому что работником она была неплохим. Даже хорошим.

В отличие от начальника, который ее постоянно нервировал, новый муж распространял спокойствие и негу. Вот только легкая фантастичность происходящего и легкая же тревога,

что все это может в одночасье кончиться, мешали Лере полностью расслабиться и получать от жизни удовольствие.

– Дурында ты, – смеялась подруга Злата. – Все же хорошо. Живи и радуйся. Нет, надо обязательно в черные тона все окрашивать.

– У меня тревожность повышенная, – слабо оправдывалась Лера. – Кроме того, знаешь, я, как ветеран боевых действий, имею неуравновешенную психику, искаленную войной. И тот факт, что боевые действия я вела со своим законным супругом, ничего не меняет. Мне нужен курс реабилитации.

– Вот твой Золотов и устроит тебе этот самый курс, – убежденно сказала Злата. – Лерка, он хороший. И действительно тебя любит. Что тебе кажется странным?

– Меня невозможно любить! – вскинулась Лера. – Я толстая. У меня двое детей, которые все время что-то спрашивают, роняют, бьют и жутко шумят. Тихий семейный вечер в нашей квартире просто невозможен, понимаешь?

– А с чего ты взяла, что ему нужен тихий семейный вечер? – пожала плечами Злата. – Может, ему как раз нравится весь этот шум и гам. Мальчишки у тебя прекрасные. Шkodные, конечно, но добрые. А то, что тебя невозможно любить, так это глупость какая-то несусветная. Ты бы для начала сама себя полюбила – глядишь, и все остальные бы подтянулись. Тем более что двое уже есть.

– Какие двое? – насторожилась Лера.

– Я и Золотов.

– Ну, тогда уж и Степка, и Антошка, и мама, и бабуля.

– Вот видишь. Людей, которые тебя любят, очень много. Так что не кисни, – бодро заключила Злата.

Лера всеми силами старалась следовать совету подруги и не киснуть, но нет-нет да сбивалась на мысль, зачем она нужна Олегу, да еще так сильно, чтобы на ней жениться. Ей казалось, что свадьба, крики «горько», звон бокалов с шампанским происходят в каком-то сне и что она вот-вот проснется и вернется к реальности, в которой ничему этому нет и не может быть места.

От своих мыслей она очнулась лишь в тот момент, когда муж попытался взять ее на руки, чтобы снести вниз по лестнице. И забилась у него в руках, как подстреленная птица, чтобы не дать ему упасть вместе со своей неподъемной ношей, не позволить опозорить себя перед родней и друзьями, не дать подчеркнуть лишний раз, какая она тяжелая и...

– Если ты перестанешь елозить, мне будет гораздо легче, – шепнул он ей в ухо и понес как пушинку, ступая уверенными шагами и не выражая ни малейшего намерения уронить ее или упасть самому.

Все-таки он был очень основательный мужик, этот самый Олег Золотов, и она вдруг сильно обрадовалась тому, что он придумал на ней жениться.

«Может, я зря боюсь? – мелькнуло у нее в голове, и она покрепче вцепилась ему в плечо, устраиваясь поудобнее. – Все обязательно наладится!»

* * *

«Все обязательно наладится», – думала Татьяна Ивановна, обходя свое большое и требующее неусыпного контроля хозяйство.

Уникальный памятник истории, культуры и архитектуры, построенная в середине семнадцатого века и заметно реконструированная в веке девятнадцатом усадьба Горка, более известная по имени своих многовековых владельцев дворян Ланских, была единственным местом в области, где сохранились все хозяйственные постройки: барский дом, дом управляющего и садовника, людские избы, амбары, конюшни, жеребятник, маслодельня и даже шорная мастерская.

Все это, конечно, находилось в ужасном состоянии, но в 1991 году усадьба была передана в собственность областного музейного объединения, Татьяна Ивановна взвалила на свои плечи тяжкий труд реставрации и реконструкции, и вот уже почти четверть века была здесь бессменным директором.

Она улыбнулась, вспоминая, с какой малости приходилось начинать. Но сегодня реставрационные работы были практически закончены, даже барский дом полностью восстановили. Внутри него сохранилось анфиладное построение, лестница, ведущая на второй этаж, с перилами и точеными балясинами, филенчатые двери, кафельные печи. Почему-то только главная печь в центральной гостевой зале была без изразцов. Это указывало на какую-то загадку, но разгадывать ее было некогда, поэтому печь восстановили, прочистили дымоходы и просто побелили. Про себя Татьяна Ивановна решила, что когда-нибудь, когда позволят финансы, обязательно закажет на печь новые изразцы, хотя бы отдаленно напоминающие старинные.

Усадьба располагалась за городом, на высоком и обрывистом берегу Волги, откуда и пошло ее название – Горка. Владельцы усадьбы Ланские были близкими родственниками того самого генерала Ланского, за которого вышла замуж вдова Пушкина Наталья Николаевна. Татьяне Ивановне было приятно думать, что, возможно, красавица Натали Гончарова когда-то приезжала сюда, ходила по дорожкам старого парка, точнее, березовой рощи, которая была любовно выращена перед расположенным рядом с барским домом храмом.

Храм был еще старше, чем барский дом. Возведенный в семнадцатом веке, он не подвергался перестройке и был разрушен гораздо сильнее. Одетый в строительные леса, он медленно восстанавливал свой первоначальный облик, вот только из-за вечной нехватки финансирования работы продвигались медленно. Слишком медленно. И Татьяна Ивановна все чаще молилась о том, чтобы Господь послал ей силы довести начатое до конца, передать усадьбу в другие руки в полном ее великолепии.

О том, чьи это будут руки, Татьяна Ивановна старалась не думать. Дело всей ее жизни могло быть в одночасье разрушено первым же нерадивым директором или корыстолюбивым чиновником. Барская усадьба оставалась лакомым кусочком для нуворишей, которые, не стесняясь, изъявляли желание здесь жить, и только статус федерального памятника пока еще хоть как-то спасал усадьбу от их захватнических поползновений.

Земля неподалеку, где когда-то располагались пашни и заливные луга самого крупного в области колхоза, давным-давно была переведена из сельхозугодий в землю для индивидуального строительства. Со второго этажа барского дома виднелись ярко-красные крыши крутых особняков, владельцы которых не особенно гордились тем, что им довелось жить в историческом месте.

Не все, правда. К примеру, восстановление храма велось на деньги жившего здесь предпринимателя Петра Карасева. А многие экспонаты в барский дом приобрела на свои средства и передала в дар музею владелица строительной фирмы Элеонора Бжезинская, да и многие другие помогали, понемногу внося вклад в общее дело.

Но были и такие, с кем Татьяне Ивановне приходилось, в прямом смысле слова, воевать, чтобы они не пытались захватить принадлежащую музею территорию, не разрешали своим детям обирать яблоки, залезая на старые яблони фруктового сада, а главное – не вырубали защитную полосу из высаженных в конце семидесятых годов двадцатого века канадских кленов, со всех сторон обрамляющих усадьбу, заросшие колхозные поля и состоящий из особняков поселок.

Клены посадил ее отец. И Татьяна Ивановна, как коршун, зорко оберегала каждое дерево, не ленилась ходить на собрания в администрацию поселка, отстаивать правду в областной администрации и комитете по экологии. Пока победителем всегда выходила она. Несмотря на маленький рост, хрупкость фигуры, сохранившей девичью легкость, несмотря на прибли-

жающийся пятидесятипятилетний юбилей, тихий голос и интеллигентность, характер Татьяна Ивановна имела решительный и неизменно добивалась того, чего хотела.

Сейчас она хотела приобрести оборудование для шорной мастерской. Идея состояла в том, чтобы запустить в усадьбе интерактивную программу с катанием на лошадях, изготовлением шор по старорусской технологии, распиванием домашнего кваса, а также обязательным посещением магазинчика, торгующего изделиями из кожи. Выведение музея на самоокупаемость было ее мечтой. Альфой и омегой.

Пока дело не сдвинулось с мертвой точки, потому что собрать нужное количество чиновных закорючек на нужном количестве бумаг никак не получалось. Но Татьяна Ивановна и не думала сдаваться.

– Все обязательно наладится! – снова повторила она, зашла в барский дом, чтобы осмотреть его перед началом нового экскурсионного дня, и практически сразу наткнулась на разбитое окно в гостевой зале.

Грязные следы на полу со всей очевидностью доказывали, что ночью здесь кто-то был.

– Марина, Марина! – позвала Татьяна Ивановна, у которой в ушах запульсировала кровь. Взлом барского дома был происшествием вопиющим и требовал принятия экстренных мер. На крик в зал вбежала ее заместительница, а по совместительству – экскурсовод Марина. – Кто вчера дом закрывал?

– Я, Татьяна Ивановна, – девушка с недоумением смотрела на начальницу. – Это же всегда я делаю.

– А ты на охрану дом поставила?

– Нет, – недоумение в голосе Марины сменилось легкой тревогой. – Татьяна Ивановна, мы же с вами сами решили пару дней назад, что, пока датчики неотремонтируем, делать этого не будем. Неужели вам не надоело каждую ночь по тревоге вскакивать?

Установленная недавно новая сигнализация действительно была настроена таким образом, что включалась от малейшего ветра. Почти каждую ночь Татьяне Ивановне, которая жила в собственном доме на участке, граничащем с усадьбой, приходилось вскакивать с постели и вместе с вневедомственной охраной приезжать на объект, чтобы убедиться, что все в порядке.

От постоянного недосыпа она так измучилась, что согласилась на разумное предложение Марины не включать сигнализацию, пока фирма-поставщик неотрегулирует датчики. Работы должны были провести на следующей неделе, и все решили, что за столь короткий срок с усадьбой ничего не случится.

– Так, с сегодняшнего дня будем снова ставить на охрану, – распорядилась Татьяна Ивановна. – Лучше я еще десять ночей не посплю, чем тут у нас что-нибудь украдут или испортят. Видишь, уже влезал кто-то этой ночью.

– Ой, – Марина, увидев следы на полу, в испуге приложила руку ко рту. – Татьяна Ивановна, миленькая, кому тут что-то понадобилось? В этой же комнате пока нет ничего. А остальные двери я запирала.

– Не знаю, Марина. Вполне возможно, что мальчишки соседские забрались. На спор или из баловства. Давай не будем никого вызывать, тем более что ничего не пропало. Попроси Михеича вставить стекло. Пусть Валя Резвухин ему поможет. И смотрительницы быстренько пол протрут. И да, Марина, – остановила она готовую бежать исполнять поручение девушку, – не говори никому об этом.

– Хорошо, – заместительница кивнула кудрявой головой с классической русской косой, доходящей до попы, и, стуча по деревянным полам каблучками, выбежала из комнаты. Шелест ее длинной юбки затих в отдалении.

– Странно, очень странно, – пробормотала себе под нос Татьяна Ивановна и, качая головой, прошла в свой кабинет, где ее тут же захлестнул водоворот ежедневных дел. Приняв решение включить сигнализацию, она сочла инцидент исчерпанным. И это было ее первой ошибкой.

* * *

Он подобрался совсем близко. Так близко, что мог регулярно слышать дыхание своей жертвы. Он так ненавидел эту толстую корову, что у него начинало уши закладывать. Он знал, что именно так выглядит ненависть, вызываемая генетической памятью. По своему происхождению он должен был ненавидеть это быдло, дорвавшееся до сладкой жизни на том, что по праву принадлежало ему, только ему. Это ж надо было так разжиреть на его добре!

Мутная горечь поднималась в нем при мысли обо всей их семье. Если бы мог, он бы стер их с лица земли. Мерзкие бабы, все три! Но квинтэссенция ненависти, захлестывающей горло едкой волной, от которой он начинал задыхаться и судорожно кашлять, выделялась именно в тот момент, когда он был вынужден общаться с этой толстухой с вечно печальным и каким-то по-коровьи покорным выражением лица. Ему все время хотелось стереть это дурацкое выражение, припечатав рельефной подошвой ботинка. Но он был вынужден следить за собой, чтобы не напугать ее, не заставить задуматься, что в его приближении к ней есть что-то личное.

Мысленно выстраивая эту операцию, он быстро выяснил, что действовать через нее будет проще всего. Бабка непроста, ой непроста. Да и мамаша ей под стать. Такие печенку выгрызут, лишь бы не расстаться с чужим добром. А эта девка попроще. Будет хлопать глазами до тех пор, пока он не обведет ее вокруг пальца. А потом поздно будет. Она оглянется, а его уж и след простыл.

Как бы побыстрее понять, где именно они это прячут? Не пятиалтынный, поди, в кармане носить не будешь. Не знать про то, что клад где-то существует, они не могут. Не такой человек его прятал, чтобы контроль из рук упустить и перед смертью с кем надо информацией не поделиться.

Так что его задача – быстро выяснить, где лежит клад, забрать его, отдать покупателю, который уже копытом бьет от нетерпения, получить деньги и свалить. В Париж, понятное дело. Ни дня он больше здесь не останется, чтобы на эту коровищу смотреть.

Он уже разведal много, очень много. По крайней мере, он точно знает теперь цифровой код, который закрывает доступ к кладу. Старый черт был тот еще умник, но и он ничуть не глупее – загадку про кроликов разгадал быстро. Загадку эту ему рассказал тот же человек, что и саму историю с кладом. Старый черт не утерпел – хоть с одним человеком, да поделился. Вот уж действительно, кролики – это не только ценный мех. Это путь к свободе, которую могут дать лишь деньги. Много-много денег, и он уже практически подобрался к ним. Надо только использовать дуреху, которая стоит у него на пути. Использовать, а потом выкинуть, как старую, никому не нужную линялую тряпку. У него обязательно получится. Не может не получиться.

* * *

В жизни – как в бане. Хочешь – паришься, хочешь – нет.

Этот нехитрый афоризм я вычитала в недрах Интернета. Теперь вот хожу парюсь – правда это или все-таки нет.

Я ко всему в жизни подхожу крайне серьезно. Мне кажется, что если заранее продумать все неприятности, которые могут случиться в ближайшие десять лет, и как следует к ним подготовиться, то последствия можно будет минимизировать.

Как следствие, на моем балконе можно найти завалы различной крупы, сахара, муки, тушенки и прочего подсолнечного масла, купленные на случай окончательного обвала рубля. Рубль пыхтит и с переменным успехом держится на плаву, а вот срок годности многих куп-

ленных продуктов уже того... утонул. Бабуля смеется, а мама скептически поднимает брови, но я уверена в своей правоте!

Периодически я выкидываю ворох просроченных таблеток, купленных на случай возможной болезни. В отпуске я таскаю за собой тяжеленный чемодан, потому что в нем есть одежда и на аномальную жару, и на арктический холод. И для меня, и для мальчишек. Кроме того, я обязательно беру с собой запасную обувь, потому что вдруг основная порвется.

Я парюсь по поводу возможной плохой погоды, невозможного на данный момент увольнения, будущего, которое вдруг не сложится у моих сыновей так, как я запланировала. Я боюсь потерять трудоспособность и умереть с голоду, переживаю, что мой уровень жизни (хотя трудно назвать это уровнем) поскользнется и упадет, что мой муж меня не любит, а если любит, то разлюбит и полюбит другую.

Внучка бабулиной подруги, к примеру, не парится ни о чем. Ей плевать, что она не закончила свое высшее образование. Ее не волнует, что она уже полгода безработная. Ее не напрягает, что ей уже за тридцать, а она так и не сходила замуж. Ей без разницы, что ее мама переживает о ее неудавшейся судьбе. Она с самого детства делает только то, что считает нужным и интересным на данный момент. И все. Остальное ее абсолютно не парит.

Вчера бабулина подруга по страшному секрету рассказала ей, а бабуля мне, что эта самая внучка ждет ребенка от олигарха. С ним она встречается те полгода, что безработная. Как раз уволилась потому, что нужно было летать за ним по всему миру. Сегодня Стамбул, завтра Берлин, послезавтра Балеарские острова. Сами понимаете, когда тут работать?

Насчет того, что ребенок появится вне брака, она тоже не парится. Некогда. Они сейчас с олигархом пребывают в споре, какую покупать квартиру – с видом на море (да, она теперь живет там, где есть море) или с видом на парк. То есть в споре рождается истина, а ребенок рождается уже в новой квартире.

В общем, теперь я парюсь по новому поводу – зачем я всю жизнь так парюсь? Наверное, надо уже перестать. Но парильщики со стажем уверяют, что это не так-то просто.

Глава вторая

Один – один. Боевая ничья

*«Никогда не опускайте голову.
Держите ее высоко.
Смотрите миру прямо в глаза».*

Хелен Хеллер

День не задался с самого утра. Проснувшись, Лера обнаружила, что в постели она одна, и, вспомнив, что муж на суточном дежурстве, расстроилась из-за его отсутствия. За две недели семейной жизни она к нему как-то уж совсем основательно прикипела.

За окном обнаружился дождь. Даже не то что дождь, а самый настоящий ливень. Такая погода всегда наводила на Леру тоску, поэтому, набодяжив себе в большой мужниной кружке растворимого кофе, она загрустила, глядя на потоки воды на невытом еще с зимы оконном стекле.

«Надо окна помыть, – отстраненно подумала Лера. – Вот на майские будет четыре выходных, и один надо обязательно посвятить мытью окон».

На ее девятом этаже это всегда превращалось в испытание. Высоты Лера боялась панически, поэтому и оттягивала весеннюю уборку как можно дольше. У бывшего начальника ее цеха в Москве при мытье окон с десятого этажа соскользнула и разбилась насмерть сестра, и он переехал в столицу, чтобы воспитывать оставшихся без матери племянников. Бывший начальник жил бобылем, поэтому мог себе позволить такие жизненные кульбиты.

После этого случая Лера стала бояться мыть окна еще сильнее, а на место старого начальника пришел новый, после чего жизнь как-то разладилась. По крайней мере в ее рабочей части.

Отставив кружку с гадостным привкусом – растворимый кофе она терпеть не могла, но варить вкусный ей сегодня особенно не хотелось, – она разбудила детей, накормила их завтраком, отправила в школу и пошла на работу, которую в последнее время почему-то не любила. Впрочем, у этого «почему-то» было вполне конкретное обоснование – новый начальник.

Сегодня он как-то по-особенному лютовал и даже довел Леру до слез, что случилось с ней примерно раз в пятилетку. Запершись в туалете, она всласть нарыдалась, потом подумала, что ее лицо напоминает невытое оконное стекло с мутными потеками растекшейся туши, приснула, поскольку обладала хорошим воображением, потом умылась и, решив, что начальник не стоит ее слез, гордо двинулась обратно в цех.

Вот тут-то и позвонила бабуля, которая с детства раньше всех чувствовала внучкины неприятности и спешила с каким-нибудь своевременным утешением.

– Пойдем в кафе, а, Лерочка, – предложила она, и Лера тут же радостно заулыбалась.

Бабулю она обожала. Совместные походы в кафе были их маленьким развлечением. Примерно раз в месяц они вдвоем, всегда только вдвоем, выбирались в «Шоколадницу», чтобы полакомиться пирожными и кофе со сливками. Правда, Лера всегда при этом чувствовала себя клятвoprеступницей, потому что много раз зарекалась при своей фигуре есть сладкое, но бабуля как-то очень убедительно умела уговаривать ее совесть.

– Себя надо любить и баловать, – непререкаемым тоном заявляла она. – У женщины должны быть маленькие слабости. А съесть одно – хорошо, два пирожных – не самое большое из безумств, которое может позволить себе женщина.

С момента своего нового замужества Лера еще не водила бабулю в кафе, поэтому очень обрадовалась.

– Ой, а что я Олегу скажу? – спохватилась она.

– Правду, – слегка удивилась такой постановке вопроса бабуля. – Ты же не с любовником на Канары отправляешься, а со своей престарелой бабкой в кафе. Почему он должен быть против?

– Он не будет против, – убежденно сказала Лера, – он мне вообще ничего не запрещает, просто он наверняка подумает, что я и так жирная, а еще пирожные трескаю.

– Он хотя бы раз оговорил тебя, когда ты что-то ела?

– Нет.

– Ну, так какая тебе разница, что именно он думает? Лерочка, ты уже взрослая девочка, а все еще теряешь время на такую ерунду, как общественное мнение.

– Какое ж это общественное? – голос Леры звучал задумчиво. – Это ж мой муж.

– Тем более, он уже на тебе женился, хотя, как ты знаешь, меня это удивляет. Ты меня прости, детка, но ты выиграла сто тысяч по трамвайному билету.

– Знаю-знаю, – голос Леры зазвучал совсем уныло. – У меня двое детей, и я толстая, поэтому на мне никто не может жениться в здравом уме и твердой памяти. Но Олег все-таки женился, а в здравости его ума я не сомневаюсь.

– Соболева! – Начальник гаркнул над ее ухом так, что она даже подскочила от неожиданности. – Ты когда-нибудь работать начнешь или нет? Я тебя премии лишу.

– Все, бабуль, – шепнула Лера в трубку, – в шесть часов встречаемся у кафе. Хорошо?

Бабуля, несмотря на то что ей скоро должно было исполниться восемьдесят девять, в кафе всегда добиралась сама. Это тоже было обязательной частью их маленького ритуала. Лера сначала с этим спорила, потому что ей все время мерещились разные происшествия, в которых бабуля могла сломать шейку бедра или удариться головой, а потом перестала. Воля у бабули была железная, поэтому спорить с ней было делом гиблым.

Воровато оглянувшись на начальника, который отошел на другой конец цеха и уже там кого-то распекал, она быстро набрала номер мужа.

– Олег, я после работы бабушку в кафе свожу? У нас с ней традиция такая. Я быстро, часа полтора всего. Еда есть.

– Да ради бога, – невозмутимо ответил Олег. – Я прослежу, чтобы пацаны поели, а сам тебя дождусь, не люблю есть один.

– Я не стану есть, я же после кафе буду, – виновато сказала Лера.

– Ну, значит, ты со мной посидишь и посмотришь, как я ем, – покладисто согласился муж. – Ты не торопись. Удели время бабушке, а то я чувствую себя виноватым, что ты из-за меня ее совсем забросила.

Настроение у Леры улучшилось. Олег был просто золото, а не муж. Фамилия Золотов удивительно ему шла. И Лера в очередной раз мысленно спросила у небес, за что ей привалило такое счастье.

Кофе был горячим, воздушная шапка сливок таяла во рту, маленькие шоколадные профитролы, самое любимое Лерино лакомство, радовали глаз и вкусовые рецепторы. На бабуле была маленькая красная шляпка-таблетка, черные брюки, черный свитер и ярко-красный шарф. Старческие пальцы, унизанные крупными серебряными перстнями, элегантно держали чашку. Бабуля сидела с прямой спиной, не откидываясь на спинку стула, и на нее оборачивались все посетители, так она была безупречно прекрасна.

– Почему я никогда так не выгляжу? – мимоходом подумала Лера, целуя теплую морщинистую щеку, пахнувшую духами «Клима». Только «Клима», других духов бабуля не признавала.

– А ты похудела...

Шлепнувшаяся на кожаный диванчик напротив бабулиного стула Лера с изумлением воззрилась на старушку.

– Ну, ты скажешь, ба...

– Ты похудела, и это заметно невооруженным глазом.

– Не знаю, моему глазу это незаметно, – заявила Лера. – И по одежде тоже не скажешь.

– А ты встань на весы и увидишь, что я права, – бабуля аккуратно откусила от крохотного профитроля и сделала глоток капучино. – Ну, давай, рассказывай, что наш муж?

Олег бабулю интересовал чрезвычайно. Когда они встречались, Лера постоянно ловила заинтересованный взгляд, который старушка то и дело останавливала на ее муже. Видимо, переживала за внучку.

– Да все хорошо, ба, – беззаботно сказала Лера и, вздохнув, тоже начала поглощать пирожные, которые обожала. – Правда, я уже и забыла, что в семейной жизни может быть так хорошо.

– А что... Игорь? – Лера оценила деликатную паузу, которую бабуля сделала перед тем, как произнести имя ее бывшего супруга.

– Да ничего, – призналась Лера. – Последний раз он бушевал, когда ему мальчишки скакали, что я замуж выхожу. Орал, что проклянет, что деньги давать перестанет.

– Ну и как, перестал? – спросила бабуля с живым интересом.

– Месяц еще не кончился. В начале апреля я из него с боем алименты достала, а май еще не наступил. Поживем – увидим. Не звонил пока, слава богу.

– С тебя, малахольной, станется пойти у него на поводу и отказаться от алиментов. Даже не вздумай. Это его дети, он обязан их содержать, в отличие от твоего нового мужа. Так что не надейся, что он их прокормит.

– Да я и не надеюсь, – призналась Лера. – Ба, он же тоже алименты платит. Так что с его зарплатой особенно не разбежишься. На двадцать тысяч дай бог его самого прокормить и одеть, так что в плане Степки с Антошкой я даже и не рассчитываю. Ты мне лучше про себя расскажи. Как ты себя чувствуешь? Как Марианна Петровна и Светлана Константиновна?

Эти две дамы весьма уважаемого возраста всю жизнь были бабулиными ближайшими подругами. Их общество и дружбу она ценила безмерно.

– Ой, – старушка оживилась. – Я тебе сейчас расскажу. Марианна-то учудила. И смех и грех. У нее с пасхи яйца крашеные остались. Она покрасила импортными красителями, и зеленые, и синие, и серо-буро-малиновые. И разложила по всему дому в виде художественных композиций. Овечек среди них посадила керамических, зайчиков, веточки вербы в воду поставила. Красота была несусветная.

– И? – Лера откровенно любовалась бабулей, у которой в предвкушении развязки сказала даже глаза заблестели.

– Разобрала она эту композицию только позавчера. И, чтобы добро не пропадало, решила пирожки напечь. С яйцом.

– Так Пасха же двенадцатого апреля была, а сегодня двадцать девятое...

– Так то-то и оно. Пирожки с тухлыми яйцами – вершина кулинарной мысли. Марианна еще меня в гости звала, да я поленилась. Вот уж бог отвел. Пришлось моей милой подруге одной все пирожки доедать. Ты же знаешь, она еду из принципа не выбрасывает. Так что весь вчерашний день Марианнушка провела в туалете. С белым другом общалась, поворачиваясь к нему разными сторонами. Ванька-встанька престарелая.

– Ужас, – Лера представила себе мучения несчастной Марианны Петровны и содрогнулась.

– Так конечно, ужас. Звонит мне под вечер из сортира, чуть не плачет. А я ей говорю: «Жадность наказуема, дорогая моя».

По счету расплачивалась, как всегда, бабуля, решительно отвергнув предложенные Лерой деньги.

– Лучшее – детям, – отрезала она.

– Ба, ну у тебя же пенсия меньше, чем у меня зарплата.

– Много ли мне, старухе, надо. И вообще, слава богу, пока не бедствую. Так что не о чем говорить. Ты меня проводишь?

– Конечно, – с готовностью ответила Лера, украдкой посмотрев на часы. По всем прикidak выходило, что ее опоздание домой еще не выглядит неприличным.

Бабуля жила недалеко, всего-то в трех кварталах от кафе. Дождь к вечеру кончился, поэтому они обе с удовольствием брели по умытым улицам, вдыхая весенний запах готовой распусться листвы. К концу пути бабуля все-таки устала, хотя не подавала виду и бодро обсуждала с Лерой модный нынче фильм, а также запрет на шумевшей театральной постановки, в которой какой-то особенно ретивый чиновник обнаружил глумление над христианскими заповедями. Ей все это было интересно, и, несмотря на возраст, руку на пульсе жизни бабуля держала крепко. Лера сомневалась, что в столь преклонные годы будет на это способна. Она даже не была уверена, что до этого возраста доживет.

В подъезде бабуля тяжело оперлась на ее руку, но все-таки преодолела несколько пролетов, отделяющих их от квартиры на втором этаже.

– Хорошо, что не пятый, – традиционно заметила она. – Дом-то хоть и обкомовский, но без лифта.

Дверь в квартиру – просторную четырехкомнатную квартиру добротного, действительно «обкомовского» дома – оказалась приоткрытой. Лера встревожилась.

– Ба, ты что, уходя, дверь забыла запереть? – спросила она, чувствуя холодок под ложечкой. Забывчивостью бабуля не страдала.

– У меня, слава богу, не маразм, – с достоинством ответила старушка. – И Альцгеймер у меня пока еще не поселился.

– Бабуля, постой тут, я посмотрю, – почему-то шепотом сказала Лера и, толкнув дверь, вошла в темнеющий перед ней прямоугольник коридора. Влажной от страха рукой она нащупала на стене выключатель, вспыхнул свет, озарив пространство, заполненное антикварной мебелью, и Лера на цыпочках сделала несколько шагов и заглянула в гостиную.

Здесь царил разгром. Открытые шкафы и ящики комода щетинились каким-то тряпьем. Пол был засыпан бумагами и книгами, сброшенными с книжных полок, секретер вскрыт. Лера опрометью бросилась в другие комнаты и с ужасом убедилась, что неизвестный злоумышленник, пробравшийся в бабушкину квартиру, похозяйничал и там. Из гостиной раздался тихий стон. Посредине разгрома, приложив руку ко рту, стояла бабуля, которая повернулась на внучкины шаги и начала тихо оседать на пол в глубоком обмороке.

* * *

Проводив «Скорую», Лера в глубокой задумчивости вернулась в гостиную. Бабуля после сделанного ей укола спала, по-детски подложив ладони под щеку. Лера подняла с пола старую шаль, любовно связанную крючком. На каком-то этапе своей жизни бабуля увлеклась вязанием. Ниток тогда в продаже особо не было, доставать их дед категорически отказывался, поэтому бабуля приспособилась покупать в ортопедической больнице шерстяные пояса от радикулита, распускала их, сматывала в клубки тонкую чистую овечью шерсть и вязала ажурные шарфы и шали, которые раздаривала знакомым.

Самую первую шаль, немного кривую, с перепутанным в нескольких местах узором, она оставила себе, и Лера, ночуя у бабушки с дедом, иногда накрывалась этой тонкой невесомой вязью, напоминающей сплетенные вместе снежинки. Шаль была огромная, белая, действительно напоминающая снежное покрывало. Сейчас на ней отпечатался след чьего-то грязного ботинка, и Лере стало так ее жаль, словно шаль была живая и ей могло быть больно.

Набрав номер Олега, она тихо, чтобы не разбудить бабулю, рассказала ему о случившемся, мимолетно отметив, что муж почему-то запыхался.

– Олежек, я переночую у бабули, ладно? Мне тут надо все прибрать. Такой разгром, смотреть страшно. Да и вообще не хочу ее одну оставлять. Давление, конечно, сбили, но вдруг ей ночью плохо станет. Мне так спокойнее.

– Конечно, оставайся, – как всегда покладисто согласился Золотов. – Я пацанам обещал кино с ними посмотреть, «Властелин колец», так что мы и без тебя прекрасно проведем время.

– Ты чего, бежишь откуда-то? – спросила Лера, которую вдруг встревожило тяжелое дыхание мужа.

– Да по лестнице я поднимаюсь. Лифт опять не работает. А в мои солидные годы девятый этаж – это тебе не шутки.

– А куда ты ходил? – удивилась Лера. – Ты же говорил, что дома будешь.

– В киоск бегал, за сигаретами. Знакомого встретил, зацепились языками, зашли в «Погребок» пива выпить. Вот, возвращаюсь. Ты не волнуйся. Ухаживай за бабушкой, у нас все нормально будет.

Часа два Лера убирала последствия разгрома, по ходу обнаруживая новые и новые вещи, памятные с детства и не тронутые непонятным грабителем. Кто влез в квартиру? Этот вопрос мучил ее больше всего.

Конечно, в четырехкомнатных элитных хоромы было чем пожить. В свое время их получил дед – дважды Герой Социалистического Труда, легендарный не только в их области, но и по всей стране председатель колхоза-миллионера «Родина» Иван Рокотов. Дед обеспечивал самые высокие надои и умопомрачительные урожаи. Его колхоз кормил всю область, легко перенося и массовые посадки кукурузы, и возведение свиноферм, и заоблачные нормы по молоку.

В семидесятые годы дед придумал, что в колхозе нужно построить птицефабрику. Съездил в обком, в министерство сельского хозяйства, и везде получил отказ. Мол, у тебя и так хозяйство немаленькое, перебьешься. Но отступать не стал. Две птицефабрики на колхозной земле он возвел в рекордно короткие сроки – за одно лето, – пригласив на работу шабашников со всего Союза. И только когда его выписанные из Воронежа элитные куры дали первые яйца, сообщил об этом «наверх».

Скандал был страшный. Деда даже из партии хотели выгнать, но первый секретарь обкома его тогда отстоял и даже в должности не понизил. А куры, которых многие годы в их регионе потом называли «рокотовскими», кормили всю область и яйцами, и мясом, позволив многим в прямом смысле слова выжить в голодные «карточные годы».

Дед работал всегда, сколько Лера его помнила. С многочисленных портретов, которые встречались ей на городской доске почета в центре города, в школе, в кружке юного химика, который она посещала, да и вообще везде, на нее смотрел серьезный и грозный мужчина, прошедший войну, которого подчиненные боялись как огня, да и начальство тоже побаивалось.

Коммунист до мозга костей, честный, справедливый и неподкупный, он никогда не снимал крестик, который надела на него при крещении мать, и, когда это стало возможным, делался одним из первых в области людей, занявшихся восстановлением храма. Того, что располагался в усадьбе Ланских.

Дома это был добрый и ласковый человек, обожавший внуку, искренне любящий дочь и беспрекословно слушающий жену. В их семейном тандеме именно бабуля была главной, принимая решения, которые дед только выполнял. С детских лет Леру это сильно забавляло. Впрочем, глядя на бабулю, она ничуть не удивлялась. Ксения Дмитриевна, в 1943 году сбежавшая на фронт сестрой милосердия, после войны окончила мединститут и всю жизнь работала на «Скорой помощи», причем последние годы перед пенсией – главным врачом.

Несмотря на все заслуги и регалии мужа, а также связанные с этим привилегии, характер она сохранила прямой и открытый, нос не задирала, чванством не страдала, дружила только с теми, кто был ей интересен, не признавая «дружбы по роду службы».

Конечно, как и все женщины, она любила красивую одежду, которую дед, балуя жену, покупал ей в закрытых «военторгах» и привозил из многочисленных командировок за границу. У бабули собралась неплохая «коллекция» бриллиантов и изумрудов, которые она особенно любила, потому что эти камни шли к ее зеленым миндалевидным глазам. Одевалась она со вкусом. Врожденная элегантность и умение держать спину прямо при любых жизненных коллизиях заставляли злопыхательниц шептаться ей вслед, обсуждая ее наряды. Однако иных поводов для сплетен бабуля не давала никогда. Ей многие завидовали, не все ее любили, но все уважали. Они были достойной парой, дед и бабуля. И Лера улыбалась, собирая вещи, которые так или иначе напоминали ей отдельные эпизоды из детства.

В рокотовской квартире вполне можно было чем-нибудь пожить. Это Лера понимала прекрасно. Но бабулины драгоценности в целостности и сохранности лежали в сейфе. И Лера никак не могла взять в толк, что именно здесь искали. А искали же, это ясно.

– Господи, какое счастье, что воры забрались в тот момент, когда мы были в кафе! – прошептала Лера, содрогнувшись от мысли, что преступников могло бы не остановить присутствие почти девяностолетней женщины. Она пожалела, что позволила себя уговорить не вызывать полицию. Придя в себя, бабуля тут же проявила решительность характера, и Лера не посмела ослушаться.

Разложив все по местам, она решила быстренько протереть пол. Присутствие чужих следов Лера ощущала почти физически, и ей хотелось поскорее отмыть оскверненную квартиру, в которой ей всегда было так хорошо.

На полочке с зеркалом, висевшей над раковиной в ванной комнате, в небольшой стильной вазочке из богемского стекла стояло перо павлина. Лера взяла его в руки и покрутила. Перо как перо, красивое. Вот только у бабули она его никогда не видела и даже представить не могла, кто из знакомых мог его принести.

– Лера, детка, ты дома? – позвала ее бабуля, и, поставив перо обратно, Лера стремглав кинулась на зов.

Слава богу, бабуля улыбалась и выглядела неплохо.

– Ба, как ты себя чувствуешь? – тревожно спросила Лера.

– Да все нормально, деточка. Это я от неожиданности, а так-то я не из пугливых, ты же знаешь.

– Я все прибрала. И, как мне показалось, все на месте.

– Да что у меня брать-то, детка? – бабуля засмеялась. – Цапки мои в сейфе, его найти трудно. Деньги я по-современному на карточке храню, да и нет у меня никаких особых сбережений. Дорогим антиквариатом мы с дедушкой никогда не увлекались. Раньше же по-другому жили, скромнее, чем сейчас. Я вообще удивлена, что кто-то сюда залез.

– Ба, а вдруг они вернуться? – спросила Лера, с ужасом представив, что такое может произойти. – Они ничего не взяли, но что-то искали. И если не нашли, то вдруг захотят предпринять еще одну попытку?

– Лерочка, чему быть, того не миновать, – философски заметила бабуля. – Мне уж девяносто лет почти, если я помру от удара по голове, то это будет быстрая и не мучительная смерть. Все лучше, чем сломать шейку бедра или криком кричать от рака. Так что ты особо-то не переживай.

– Ну, ты даешь! – возмутилась Лера. – Вот я бы так никогда не смогла. Надо не выбирать себе смерть, а жить долго-долго.

– Я и живу долго-долго, – улыбнулась бабуля. – И больше всего на свете боюсь стать вам в тягость. Да и по Ване моему скучаю. В общем, не грузись, Лерка.

Услышав из уст бабули современный сленг, Лера засмеялась. Все-таки бабушка у нее была настоящий молодец, и, чтобы перевести разговор с мрачной темы, Лера спросила про невесту откуда появившееся в ванной комнате перо павлина.

– Какое перо? – Бабуля так сильно изумилась, что у нее даже голос изменился. – Не было у меня никакого пера. Да и откуда бы ему взяться?

– Как не было? – теперь уже изумилась Лера и сбегала в ванную за переливающимся разноцветно-мохнатым чудом.

– Ничего не понимаю, – бабуля покрутила перо в руках и отбросила в сторону. – Может, злоумышленники подбросили?

– Ага, влезли в квартиру, чтобы навести тут беспорядок, найти вазу и поставить в нее павлиний хвост. Странно, ты не находишь?

– Не хвост, а часть хвоста, но сути это не меняет, – бабуля в задумчивости покачала головой. – Действительно странно. Ладно, выброси его в помойку, да и забудем про это. Будем считать, что я отделалась легким испугом.

– Точно в полицию не будем сообщать?

– Точно. Лерочка, столпотворения людей в форме я в своей квартире не вынесу. Да и прибрала ты уже все. Не павлинье перо же им показывать. Вот что, детка, иди домой.

– Как? – поразились Лера.

– Да так. Времени десять вечера, вызови такси и езжай. У меня все в порядке, а у тебя дома дети.

– Дети не одни дома. Они с Олегом.

– Вот именно. Негоже оставлять детей на ночь с чужим человеком.

– Ба, он не чужой человек, – запротестовала Лера. – Он мой муж. Законный.

– Вот когда твой законный муж войдет у меня в доверие, ты сможешь оставлять ему детей сколько влезет, – строго сказала бабуля. – Пока что этого не случилось. Слишком неожиданно он возник в твоей жизни. Так что давай, шуруй домой. – Бабулин лексикон всегда был богат и разнообразен.

Предупредив Олега, что сейчас приедет, Лера действительно вызвала такси, решительно отказалась от стольника, который пыталась всучить ей на дорогу бабуля, поцеловала ее в щеку, сбегала вниз по лестнице, нашла все-таки подсунутый столик в кармане пальто, засмеялась и быстро доехала до дома.

Ей было очень радостно от того, что после этого богатого на переживания дня она увидит Олега, услышит его спокойный голос, заснет, уткнувшись в крепкое плечо.

На коврике перед дверью что-то лежало. Аккуратно развернув целлофановый пакет, которые бесплатно выдавали в одном из городских супермаркетов, она уставилась на тушку кролика. Такого она давно мечтала приготовить на ужин, но кролик «вытягивал» рублей на девятьсот, поэтому Лера предпочитала покупать что-нибудь более дешевое. Кролик был крупным, размороженным и явно свежим.

Держа его в руках, Лера нажала на кнопку звонка, не понимая, что ей делать со своей находкой.

– Ты что, в магазин еще заезжала? – спросил Олег, открыв дверь и увидев ее непонятную ношу.

– Нет. Я думала, это ты купил и решил меня разыграть.

– Сегодня ж не первое апреля. Станный способ кого-нибудь разыграть. А если бы его кто-то из соседей спер?

– Олег, я ничего не понимаю. Откуда он мог взяться? – жалобно спросила Лера. – И что нам с ним делать?

– Думаю, потушить в белом вине. – Муж помог ей снять пальто, протянул тапочки и унес кролика на кухню.

– А если он не наш, а чей-то?

– Лера, он лежал у нашей двери. Может, это кто-то из подруг решил тебе его подарить?

– Они бы в дверь позвонили. Да и вообще, мне никто никогда не дарил кроликов.

– А может, у тебя завелся поклонник? Владелец кроличьей фермы? – Олег нехорошо сощурился.

– Не смеши меня, – махнула рукой Лера. – Что за день такой! У бабули воры и павлиньи перья, у нас кролики. Загадка природы какая-то.

– Давай мы сейчас поставим его мариноваться и ляжем спать, – философски заметил Олег. – Если до завтрашнего вечера не выяснится, что его кто-то обронил или забыл, то мы его приготовим, и все. Эка невидаль! Кролик. А неприятности обязательно закончатся, потому что они всегда заканчиваются. Тем более что все случившееся и неприятностями-то назвать трудно.

Лера не могла не признать, что в общем и целом муж прав. Бабуля жива и здорова, кролика они съедят, а перо павлина ровным счетом ничего не означает. Главное – чтобы не хуже. Таким всегда был ее жизненный девиз. И, повторив его про себя как заклинание, Лера отправилась спать.

Глава третья

На два-три

«Жалость – самое худшее из всего, что можно предложить женщине».

Вики Баум

Последний предпраздничный рабочий день особенно хорош предвкушением длинных выходных. Предвкушала Лера в полное свое удовольствие. Начальник на горизонте не показывался, у бабули, которой она позвонила с самого утра, все было в полном порядке, на улице светило солнце, затянувшаяся весна, богатая на снежные сюрпризы, казалось, все-таки решила сдаться и подарить надежду на скорое лето.

Любуясь солнечными зайчиками, Лера невольно вспоминала вычитанную в Интернете шутку про Масленицу, которая выжила и начала мстить. Чучело Масленицы на общегородском празднике действительно поджечь так и не смогли. Оно дымило, тлело, но не загоралось. Потому и апрель потом выдался холодный и мрачный. Но теперь он был уже почти позади, один день остался.

Выполняя рутинную работу, Лера размышляла о том, как ей выстроить длинные выходные. Конечно, мама приглашала приехать к ней, да и дети давно просились за город. Но все-таки необходимо помыть окна, да и генеральную уборку сделать не мешало бы, поэтому Лера решила посвятить уборке весь день первого мая, а уже второго с чувством выполненного долга отправляться в гости к маме. Олег все эти дни был выходной, что особенно радовало.

Вернувшись домой и оценив фронт работ, Лера решила начать уборку с вечера. В конце концов, разложить все по местам и вытереть пыль она могла часа за два. Олег согласился пропылесосить квартиру, а вот мытье окон и пола вполне можно оставить на завтра.

«Второго в магазин еще нужно будет заехать», – думала Лера, протирая многочисленные безделушки и расставляя на полках книги. Конечно, мама не в глуши живет, но себе она никогда ничего вкусного не покупает. При ее зарплате на всем приходится экономить. А тут праздник все-таки. Да и вообще событие – они впервые отправляются за город всей своей новой семьей.

Лера не понимала, как мама относится к Олегу, и это ее чуточку нервировало. Бабуля-то не скрывала, что настороженно и с опаской, а мама молчала, никак не затрагивая тему дочкиного замужества, и это было странно. Мама очень любила ее, Леру, и всегда по малейшему пустяку беспокоилась.

– Мяса надо купить для шашлыков. Черт, а денег-то немного. Если быть совсем точной, то их практически нет. А зарплата только восьмого. Что ж делать-то...

Лера припомнила, когда ее муж (бывший, разумеется) в последний раз переводил алименты. Получалось, почти месяц назад. Звонить ему страсть как не хотелось, но видение первых весенних шашлыков, зажаренных на мангале возле маминого дома, было таким осязаемым, что Лера даже запах жареного мяса почувствовала.

Решительно отбросив тряпку, она схватила телефон, нашла в контактах слово «Игорь» и, зажмурившись и сосчитав до десяти, нажала кнопку вызова.

– Чего надо? – довольно агрессивно спросила трубка.

– Денег, – честно ответила Лера.

– Де-е-е-нег, – голос бывшего мужа в трубке стал веселым, что, как отлично знала Лера, означало крайнюю степень бешенства. – А с чего ты взяла, что я собираюсь тебе их давать?

– Не мне, а твоим детям, – стараясь соблюдать спокойствие, сказала Лера. – У тебя их двое. И они находятся в том возрасте, когда все время хочется есть. Да и одежду на лето мне им купить надо.

– Тебе надо, ты и покупай, – возразил Игорь. – Мне ничего такого не надо.

– Когда мы разводились, то договаривались, что я не буду подавать на алименты, а ты будешь помогать детям добровольно. Если наши договоренности отменяются, тогда я после праздников напишу заявление в суд.

– Да хоть в сто судов, – веселье в трубке стало бурным. – Я ничего тебе, толстой корове, не дам. Ни рубля, ни копейки. Это ж не я от тебя ушел, это ты меня бросила. Так что крутись теперь как хочешь. Кроме того, у тебя ж теперь другой законный супруг имеется, вот пусть этот извращенец, трахающий жирную свинью и получающий от этого удовольствие, тебя и содержит. Вместе с твоими недоносками.

– Игорь, – голос у Леры задрожал, – опомнись, что ты говоришь? Это же твои сыновья. Ты что, забыл?

– Это ты что-то забыла, – голос больше не был веселым, ярость, копившаяся в нем, прорвалась наружу и теперь клокотала у Лериного уха, силясь проникнуть внутрь ее черепной коробки. – Ты предпочла мне какого-то осла, который бросит тебя максимум через год. Неужели ты возомнила, что можешь быть кому-нибудь нужна и интересна, жирная фригидная дрянь? Да с тобой же рядом стоять противно, не то что лежать!

– Тогда что же ты так переживаешь, что я тебе кого-то предпочла? – спросила Лера, внутренне ужасаясь своей смелости. Раньше в разговорах с бывшим мужем она никогда не решалась возражать, сразу принимаясь плакать.

– Я переживаю? Да я ни капли не переживаю. Можете подохнуть там оба. Кретин и уродка. Замечательная парочка. Но пока вы живете вместе, я тебе ни копейки не дам, поняла? Ни копыя не получишь, сука! А если ты посмеешь подать на алименты, то я тебя убью, понятно тебе?

– К-как убьешь?

– С удовольствием. Давно руки чешутся тебе шею свернуть. Не смей меня беспокоить из-за денег, образина! Если я решу повидаться с детьми, то позвоню и прикажу тебе их привести в условленное место. Посмеешь ослушаться, будешь наказана.

– Игорь, тебе надо показаться врачу, – Лера вдруг как-то разом устала от обрушивающихся на ее голову оскорблений. – Нормальный человек не может говорить то, что ты говоришь. Ты – не падишах, а я – не твоя наложница. Запомни, я больше не выполняю твои приказы.

– С-сука! – выдохнула трубка. – Попомнишь меня! Я тебе вывеску-то попорчу! В ближайшие дни. И сделаю это с удовольствием.

– Нет, Игорь. Ты больше никогда в жизни не тронешь меня даже пальцем. А вопрос алиментов мы решим в суде. – Лера постаралась, чтобы голос ее звучал максимально твердо.

Трубка еще что-то верещала, но она нажала отбой и виновато посмотрела на Олега, который давно уже пришел из другой комнаты и с интересом слушал ее разговор.

– А зачем ты это все терпишь? – спросил он, глядя в ее расстроенное лицо.

– Олег, я не знаю. Он отец моих детей. Мы с ним десять лет прожили, одиннадцать даже. И как-то по привычке я все еще считаю важным то, что он говорит. Хотя нет, – она чуть помедлила, – сегодня я поняла, что все изменилось. Он больше не властен надо мной и моими эмоциями. Наверное, я тебе должна быть за это благодарна.

– Лера, к тому моменту, как мы встретились, ты уже год была в разводе...

– Если б ты знал, что предшествовало этому году, то не удивлялся бы. Мне самой странно, что я не попала в психушку, не бросилась под поезд, не перерезала себе вены. То, что Игорь

творил, не поддается описанию, а я даже пожаловаться не могла. Мама с бабулей с ума бы сошли, а больше это было никому не интересно.

Он все годы нашей семейной жизни меня в грош не ставил, унижал постоянно, на детей внимания не обращал, мог ночевать не прийти. Я все терпела. Думала, какая ни есть, а все же семья. У детей отец должен быть.

– Зачем такая семья? – Олег стиснул зубы, аж желваки заходили под гладкой, к вечеру чуть небритой кожей.

– Мне казалось, что если когда-то я им пленилась настолько, чтобы выйти замуж, то должна терпеть. Кроме того, кому я нужна такая, да еще с двумя детьми!

– Лера, – Олег взял ее за подбородок и внимательно посмотрел в зеленые с коричневыми крапинками глаза. – А ты правда не понимаешь, что очень красивая женщина?

– Я? Красивая? – изумление было таким сильным, что Лера даже поперхнулась.

– Конечно. Я на тебя смотрю, и у меня сердце замирает, какая ты красивая. Твои волосы, твои глаза, у тебя лицо скульптурное, как на картинах эпохи Возрождения. И тело... Я, когда тебя раздетую вижу, то не могу себя контролировать, так тебя хочу.

Голос у него стал хриплым, и, чуть скосив глаза, Лера убедилась, что да, действительно хочет.

– Мы сейчас не можем, – шепотом сказала она и вспыхнула от смущения, – у нас дети в соседней комнате.

– Я дотерплю до ночи, – пообещал ее невообразимый муж, считающий ее красавицей. – Но ты себе цены не знаешь.

– Трудно знать себе цену, когда тебе долгие годы твердят, что ты жирная корова, уродка, образина и черт знает кто еще, – призналась Лера. – Я совсем в себя верить перестала. Он во мне все убил, кроме жутких комплексов. Мне иногда кажется, что у меня внутри прячется сонм чудовищ. И все они кричат, рычат, вопят, кусают и когда-нибудь сожрут меня изнутри.

– Ты очень красивая, чувственная и уникальная женщина, – Олег притянул ее к себе, и она спрятала свое пылающее лицо у него на груди. – И у тебя женственная соблазнительная фигура, которую можно бесконечно гладить, ощущая под пальцами шелковистую прохладную кожу. – Он засунул руку ей в вырез домашней кофточки и пошевелил пальцами, пытаясь поймать сосок. Лера выгнулась дугой от моментально пронзившего ее удовольствия. Он довольно засмеялся.

– А Игорь всегда говорил, что я фригидная, – задумчиво сказала она, размышляя о том, нельзя ли забаррикадироваться от Степки с Антошкой изнутри, чтобы не ждать до ночи, и ужасаясь собственному бесстыдству.

– Твой Игорь – просто больной, – авторитетно заявил Олег, уже двумя руками залезая к ней под кофточку. – Он тебя бил?

– Один раз ударил. После этого я и сказала ему, что развожусь. В тот раз я изменила своему правилу не тревожить бабулю. Убежала к ней в слезах, и она мне сказала, что больше я к нему не вернусь, потому что уважающая себя женщина не может жить со скотом. Уважать я себя к тому моменту уже не уважала, но так боялась Игоря, что действительно решила уйти. Получилось почти через год. И этот год я предпочитаю не вспоминать.

– И не надо. – Голос Олега был нарочито бодр, и Лера видела, что он упорно пытается овладеть собой, то ли из-за ее рассказа, то ли от нереализованного желания срочно лечь с ней в постель. – Ты мне лучше расскажи, откуда в твоём хозяйстве такие красивые морские раковины?

Раковин было десять. Большие, глянцевые, хранящие шум и аромат моря, они отличались изумительной красотой. В своей прошлой, полной горестей жизни Лера любила слушать их успокаивающий голос, нашептывающий, что все обязательно будет хорошо. В последнее время такое утешение ей не требовалось, и она даже как-то подзабыла про раковины.

– Это мне дед дарил, – с готовностью начала рассказывать Лера. – Он очень любил море, каждый год ездил в санаторий, когда с бабулей, когда один. И привозил мне в подарок раковину. То есть дарил не каждый год, конечно. Но частенько.

То есть первую раковину он маме отдал, когда я родилась. Вон ту, розовую. Я ее больше всех люблю. Потом вторую принес, когда мне месяц исполнился. Третью на год подарил.

– Странный подарок для новорожденного ребенка. И для годовалого тоже.

– Ну, я ж тебе говорила, дед очень любил раковины. Он говорил, что в них заключена вся мировая гармония. Но это когда я уже постарше была. А та вот раковина мне на два года подарена, та – на три, вот эта – на пять. – Лера по одной брала тяжелые перламутровые завитки и протягивала Олегу.

– А где на четырехлетие раковина?

– А не было. Только на пять. И следующая – на восемь. Вот эта, видишь, самая большая и тяжелая. Он ее из Крыма привез.

– А потом? – Олег неожиданно для себя заинтересовался морскими подарками. Было в них что-то тревожно-необычное.

– Вот эту он мне на тринадцатилетие преподнес, а вот эта, – голос Леры чуть дрогнул, – эта была последняя, которую он мне подарил. На двадцать один год. И вскоре после этого умер.

– А самую последнюю ты сама покупала? – Олег показал на стоящую с краю совершенную раковину, переливающуюся всеми цветами радуги.

– Нет, эту мне бабуля подарила. В этом году. Сказала, что дед ей наказал, если его не станет, вручить мне в тридцать четыре года.

– Странная закономерность, – нахмурившись, заметил Олег.

– Почему? – удивилась Лера.

– В детстве он тебе их дарил почти каждый год. Потом начались перерывы. После его смерти этот перерыв вообще составил тринадцать лет. – Олег замолчал, словно осененный какой-то мыслью.

– Ты чего? – встревожилась Лера.

– Да так, – он махнул рукой, – мелькнуло что-то в голове и ушло. Не важно. Странно, что Степка с Антошкой при всей их непоседливости эти раковины не разбили.

– Ну что ты, им с детства было запрещено их трогать, – сказала Лера. – Это же память о дедушке. Они его уже не застали, только из моих рассказов знают, какой он был замечательный. А раковины эти мы с ними изучали. В энциклопедии читали, какая откуда. Мальчишкам интересно было, они ж такие любопытные. Слушай, а что они так тихо сидят? – вдруг всполошилась она. – Уже полчаса из соседней комнаты ни звука.

Решительно распахнув дверь, она выскочила в другую комнату, вслед за ней выглянул и Олег. Степка с Антоном сидели на диване голова к голове и что-то с увлечением рассматривали. Подойдя поближе, Лера не поверила собственным глазам. Ее сыновья держали в руках по павлиньему перу.

* * *

Дорога блестела на солнце, будто смазанная маслом. Машины, плывущие впереди, казались маленькими утлыми лодочками, ныряющими на спусках и подъемах, словно на волнах.

По обе стороны в небо уходили мачты сосен. Сосны так и назывались – корабельные. И Лера любила представлять, как раньше их спиливали и отвозили на верфи Санкт-Петербурга или Архангельска, чтобы оснастить корабли, отправляющиеся в дальние трудные странствия.

Сама она о странствиях только мечтала. Истово и со вкусом. На путешествия у нее не было ни денег, ни времени. Поэтому и поездку к маме – подумаешь, всего-то семьдесят километров! – она всегда воспринимала как пусть и маленькое, но приключение.

Настроение у нее было отличное. В последнее время жизнь то и дело преподносила ей сюрпризы. Неприятные не имели последствий, а приятные грели душу.

К примеру, вчера Золотов вымыл все окна. Ей даже просить не пришлось. После разговора с Игорем продолжать уборку она не смогла. Пришлось делать все первого мая. Она только заикнулась о том, что надо бы пропылесосить квартиру, пока она разбирается со стеклами, как он заявил, что пылесосить будет Степка, пыль везде протрет Антошка, а окна он вымоет сам.

– Не хватало тебе еще с девятого этажа выпасть! – категорически заявил муж. – У тебя зачем мужики в доме? Неужто чтобы ты сама с уборкой корячилась?

– Не знаю, – честно ответила Лера. – Мужики в доме у меня практически не переводились, но трудового ража по поводу уборки я за ними что-то не припоминаю.

– Стыдно, значит, должно быть мужикам, – резюмировал Олег, бросив строгий взгляд на ее приунывших сыновей. Глядя на их кислые мордочки, такие родные и любимые, Лера так и прыснула со смеху.

В общем, в восемь рук с весенней генеральной уборкой они справились в два счета. Или в один присест. Щурились от солнца блестящие окна, пуская солнечные зайчики, благоухал свежестью чистый тюль, скрипел начищенный до блеска ламинат, улыбалась Лера, сосредоточенно сопели мальчишки, что-то напевал под нос Олег.

– Ну вот, а ты боялась, – резюмировал он, когда через четыре часа отмытую до блеска квартиру стало просто не узнать. – Сейчас за продуктами на завтра – и в кино.

– А обедать? – Лера стояла перед открытым холодильником, с сомнением заглядывая внутрь. Кроме замаринованного кролика там ничего не было.

– Кролика готовим на ужин. А обедать будем в кафе в торговом центре. Надо же отметить День весны и труда, тем более что мы все действительно потрудились.

– Ура-а-а! – Степка и Антошка с гиканьем побежали переодеваться.

– А после романтического ужина с кроликом и белым вином нас ждет ночь, – Золотов перешел на шепот, от которого у Леры тут же вспыхнули уши. – Я вообще-то намеревался с пользой провести прошедшую, но некоторые так разволновались из-за каких-то дурацких перьев, что не ответили мне взаимностью.

– Ты правда думаешь, что по поводу этих перьев волноваться не надо? – спросила Лера.

– Мне казалось, что я вчера тебя убедил. Подумаешь, история – кто-то засунул в почтовый ящик два павлиньих пера! Мальчишки их нашли. Делов-то...

– Олег, и все-таки мне кажется, что происходит что-то странное. К бабуле влезли и оставили павлинье перо. Нам подбросили два пера и кролика...

– Лерчонок, ну, совпадения это, не более того. Может, у тебя тайный поклонник завелся, который дарит тебе павлиньи перья. Подбрасывает в почтовый ящик, знает, что ты пойдешь к бабушке, и туда тоже подбрасывает. А кролика кто-то потерял. Или забыл. Или с женой поссорился и сгоряча покупку выбросил. Ну, не думай ты об этом...

– Тайный поклонник? У меня? – Лера засмеялась, но тут же стала серьезной. – погоди, ты сказал что-то очень важное.

– Я всегда говорю важные вещи.

– Нет. погоди... – Лера постучала указательным пальцем по зубам. Зубы у нее были ровные и ослепительно белые, без единой пломбы. Она ими искренне гордилась, считая, что это самое лучшее в ее внешности. – Ты сказал, что кто-то знал, что я пойду к бабуле. К ней влезли именно в тот момент, когда она была со мной в кафе. Я сначала думала, что это счастливое совпадение, но вдруг кто-то действительно подгадал, чтобы ее не было дома? Кто знал, что мы с ней пойдем в кафе?

– Да кто угодно, – Олег пожал плечами.

– Нет, – Лера покачала головой. – Мы спонтанно собрались.

– Я знал. Мальчишки знали и могли сказать кому угодно, если их бы спросили, где вечером будет мама. Ксения Дмитриевна могла подругам своим похвастаться, а те еще кому-то рассказать. Да и когда ты с ней договаривалась, кто-то мог слышать ваш разговор.

– Начальник мой слышал. Повидло козлиное.

– Ну, вот видишь.

– Олег, – Лера снова засмеялась. – Мой начальник точно не входит в число моих тайных поклонников, как ты изволил выразиться. Он меня терпеть не может, так что подбрасывать мне павлиньи перья не будет. А может, – она вдруг запнулась, – может, это Игорь?

– Кто?

– Муж мой бывший, это вполне в его стиле – заставить меня волноваться таким извращенным способом.

– А ты с ним в этот день разговаривала? Говорила, что к бабушке идешь?

– Я – нет, – Лера снова задумчиво постучала по зубам. – Степа, Антоша! – закричала она. – Идите сюда!

Сыновья прибежали, уже полностью готовые к походу в магазин, кафе и кино. Их круглые мордахи светились от счастья и предвкушения скорых удовольствий.

– Степка, ты когда в последний раз с папой разговаривал?

– Не помню, – сын наморщил лоб. – Дней десять назад, наверное. Я ему звонил, спрашивал, не придет ли он на мою игру посмотреть. – Сыну занимался сквошем и в своей возрастной группе числился самым лучшим игроком, чем Лера страшно гордилась.

– И что? Пришел?

– Нет, сказал, что ему некогда и чтобы я ему не звонил со всякими глупостями, – Лера увидела, как он выпятил нижнюю губу. В их семье это был передающийся по наследству признак глубокой обиды. Она сама так же выпячивала губу, и Антошка, и мама, и даже бабуля. Дед всегда над ними смеялся.

– Так, а ты? – она повернулась к Антону. – Ты когда с папой разговаривал?

– Он мне звонил несколько дней назад, – Антошка посмотрел на брата, чтобы проверить, не обиделся ли тот, что отец предпочитает ему младшего сына. – Предлагал вместе к бабушке Наде съездить, – так звали Лерину свекровь, к счастью, уже бывшую. – Я отказался, потому что нам Олег обещал в этот день приемы показать.

– Какие приемы? И в какой день это было?

– Боевые приемы, а в какой день, я не помню.

– Это было в тот день, когда ты пошла в кафе с бабушкой, – вспомнил Олег. – Ты позвонила с работы, что задержишься, а я позвонил пацанам и велел сидеть дома. Мол, приду и будем приемы разучивать.

– Точно, – согласился Антошка. – А тут папа позвонил, и я ему сказал. Если честно, мне просто к бабушке Наде было неохота. Она плохая, всегда про тебя гадости говорит.

– А ты ему сказал, что меня дома не будет? – допытывалась Лера.

– Сказал, а что, нельзя было? – удивился сын. – Он спросил, на ком Олег нам будет приемы показывать? На тебе? Ну, я и сказал, что ты в кафе с бабушкой Ксеньей идешь. Мам, так мы в торговый центр-то едем или нет?

– Едем-едем, – успокоила его Лера. – Сейчас я переоденусь. Бегите в прихожую. То есть Игорь знал, что бабули не будет дома, – сказала она. – Так я и думала, что это его штучки. Вот ведь мразь какая! Чтобы мне нагадить, пожилого человека не пожалел!

От того, что загадка так легко разрешилась, у Леры существенно улучшилось настроение. Ее бывший муж в очередной раз проявил себя как гад и сволочь. Ничего нового. И кино оказалось интересным, и обед вкусным, и продукты они купили без всякой очереди и толчеи, которые обычно случаются по праздникам. Вот только ночь, которую она ждала с предвкушением, опять не получилась. Вечером Олега внезапно вызвали на дежурство.

– Не волнуйся, – сказал он. – Я часиков в десять утра приду, часок отлежусь, и поедем. Все нормально будет.

Утром муж, правда, пришел не в десять, а в полдвенадцатого, Лера уже начала и волноваться, и сердиться. Дорога, конечно, предстояла не дальняя, но отступать от своих планов она не любила.

Вернувшийся с работы Олег сердиться запретил, спать не стал, быстро принял душ, переоделся, съел остатки кролика, который у Леры получился просто пальчики оближешь, и командовал ехать. И вот сейчас стелилась перед ними дорога, вставали по сторонам корабельные сосны, шебуршились на заднем сиденье мальчишки, и было Лере так хорошо, что она даже песенку себе под нос замурлыкала.

– Давай через саму усадьбу проедем, – попросила она Олега, когда машина свернула с большой дороги на проселок. – Во-первых, я тебе ее покажу, а во-вторых, может быть, мама на работе. Сразу ее заберем.

– Давай, – Олег проехал мимо отворотки на коттеджный поселок и уверенно направился к центральному воротам.

– Ты что, здесь когда-нибудь бывал? – изумилась Лера.

– Нет.

– Тогда откуда ты знаешь, куда ехать?

– Лера, я ж не даун. И у меня нет нормального для всех женщин географического кретинизма. На отворотке указатель был, что центральная усадьба прямо.

Слева высилась полоса канадских кленов, казалось, уходящих в небо. Тонкие зеленые листочки на них еще едва проклевывались, но Золотов представил, как тут должно быть красиво осенью, когда все это великолепие делается багряно-золотым, и у него аж дух захватило.

– Красиво тут, – восхищенно произнес он. – Такие деревья интересные.

– Это дед посадил, – гордо сказала Лера. – На этих землях как раз был его колхоз. Это он усадьбу сохранил и барский дом разрушить до основания не дал. Он всегда говорил, что плох тот народ, который не ценит свою историю. И поэтому хозяйственные постройки усадьбы максимально по назначению использовал. То есть в жеребятнике жеребят поселил. В конюшне – лошадей. В амбарах посевной материал хранили. В общем, в социалистические годы он тут ничего разрушить не дал, а как перестройка началась, сразу же начал восстановления требовать.

– Странно это, у тебя ж дед коммунист был?

– Еще какой! Он на фронте в партию вступил. Мальчишкой еще. И всю жизнь свято верил в ее идеалы.

– Так как же он барскую усадьбу восстанавливал? И храм?

– Такая вот борьба и единство противоположностей, – улыбнулась Лера. – Дед был очень хороший человек. И очень правильный. Мы даже из-за этого над ним смеялись, хотя иногда и не до смеха было. К примеру, я сижу на диване, книжку читаю. Пошла в туалет, возвращаюсь – книжки нет. Он ее на место в шкаф поставил, на полку. Я говорю: «Дед, зачем? Понятно же, что я сейчас вернусь», а он отвечает: «Так положено». В общем, он считал, что усадьба – это памятник. И ее обязательно надо восстановить. И церковь тоже. Так что он еще, пока председателем колхоза был, эту работу начал. Землю отстоял, сделал так, чтобы усадьбу памятником федерального значения признали. Ее только статус и сберег. Знаешь, сколько тут желающих было территорию эту приватизировать?

– И это все земля усадьбы?

– Нет, столько земли не отдать и у него бы не получилось. Вон, видишь, слева поселок начинается. Это не мамин, а элитный. Тут ого-го дома какие. В общем, эту землю дед под строительство отдал, чтобы саму усадьбу отстоять. Но клены тоже как-то от вырубки защитил. Да их и не трогает никто. Красиво же. Даже для новых русских.

Олег, отвлекшись от дороги, снова посмотрел в окно. Уходили вдаль клены, открывая аккуратные добротные особняки за кирпичными и коваными заборами. В форме кленовой полосы было что-то странное. Неровная она была какая-то. Но спрашивать про это у Леры он не стал, да вскоре и забыл. Подумаешь, клены и клены.

– А мама твоя тут как директором сделалась? – поинтересовался Олег.

– Так когда тут музей открыли, дед и настоял, чтобы ее назначили. У нее же образование подходящее, а он всю душу в восстановление усадьбы вложил. Естественно, с мамой ему спокойнее было. Он первое время фактически сам всем руководил, да и до своей смерти в курсе всех дел был. Это уж потом маме пришлось весь воз на себе тащить.

– А дед твой давно умер?

– В две тысячи втором году. Ему всего-то семьдесят шесть исполнилось. Жить еще и жить. Ты знаешь, он умер как праведник.

– То есть?

– Да в одночасье. Днем они с мамой отсюда приехали, все в порядке было. А вечером ему плохо стало, и за полчаса все кончилось. Даже «Скорая» приехать не успела. Инфаркт.

– А историко-этнографический музей когда открыли?

– В девяносто первом. Так что за одиннадцать лет дед тут много успел сделать.

Машина затормозила у присыпанной галькой аккуратной парковочной площадки перед главными воротами. Дети стали, сопя, вылезать наружу.

– Дальше только пешеходом, – засмеялась Лера. – Пойдем, я тебе парк покажу. И церковь, которую сейчас восстанавливают. Это очень красиво. А потом в дом зайдем, в нем уже все отреставрировано, и по хозяйственной части тоже. Там-то уж, если захочешь, мама тебе экскурсию проведет. Она это так делает, просто блеск. Группы, с которыми она работает, просто с открытым ртом по дому ходят.

В парке было еще сыро, хотя ровные мощеные дорожки позволяли прогуливаться, не замочив ног. Парк оказался даже не парком, а многовековой березовой рощей. В нижней части многих стволов виднелись зажившие зарубки, явно сделанные усердным топором охотников за березовым соком.

– Это не браконьеры, – перехватив взгляд Олега, сказала Лера. – Это музей заготавливает. Все в положенные сроки и с соблюдением технологий. Мама зорко за этим следит. Тут сок потрясающий просто. Им туристов угощают. Будешь себя хорошо вести, мама и тебе даст. Хотя в этом году еще рано, его обычно в конце мая собирают. Я ничего в своей жизни вкуснее не пила, правда!

– То есть тут все земли бывшего колхоза «Родина»?

– Ну да. Усадьба с храмом, парком и хозпостройками примерно одну девятую занимает. Мамин коттеджный поселок, куда многие местные переехали, – еще примерно две девятых. Это тоже дед выбил – новые дома для бывших колхозников поставить. Старые у многих к тому времени уже развалились, да и далеко они были, по другую сторону дороги. Так что этот кусок земли он для своих отвоевал. И мама там же построилась, чтобы в музее не жить. И в город каждый день не наездишься. А еще две трети всей земли – это как раз «купеческий поселок». Его тут так называют. Местная Рублевка. Еще за кленами кусок земли есть, но там местный фермер картошку сажает.

– Огромная же территория...

– Так «Родина» – колхоз-миллионер. Знаешь, как дед тут все строго держал! Конечно, огромная. И пашни были, и телятник, и свиноводник, и птицеферма. У меня был уникальный дед. Героический. В прямом смысле. Герой Социалистического Труда.

– А что такое социалистический труд? – спросил Антошка, с интересом слушающий разговор взрослых. Пришлось объяснять, и Лера с изумлением отметила, что у Олега это получилось гораздо лучше, чем у нее самой.

За разговорами подошли к церкви. Осенью побеленное здание уходило маковкой в безбрежную синеву неба.

– Наружные работы только в этом году закончат, – деловито сообщила Лера. – А внутренние уже в следующем начнут.

– То есть барский дом восстановили раньше, чем церковь? – уточнил Олег. – А почему? Обычно наоборот делают.

– Дед так хотел. Говорил, что в дом можно экскурсии будет водить, в хозпостройках мастерские открыть, чтобы деньги зарабатывать. Они, кстати, сейчас этим и выживают, продукцией, которую сами выпускают. Маслобойня у них, шорная мастерская, лапти плетут, половики ткут. Так что церковь на сладкое оставили.

– Для коммуниста неудивительно, – усмехнулся Олег. – Но дед твой – молодец, если бы не он, развалилось бы тут все. Разрушили, разграбили, приватизировали, как это в других местах произошло.

Со ступенек барского дома сбежала статная девушка с длинной косой, и Лера моментально почувствовала легкий укол неприязни, который почему-то всегда испытывала к маминей заместительнице.

– Марина! – окликнула она, остро переживая свое несовершенство. Она была уверена, что неприязнь к Марине вызвана исключительно завистью к ее фигуре, которая была гораздо лучше, чем Лерина. – Мама у себя?

– Ой, здравствуйте. – Девушка остановилась и при виде Олега быстро перекинула толстую, в руку толщиной, косу с одного плеча на другое. Лере тут же захотелось ее задушить. Эта коса казалась ей неестественной, так же как длинные, в пол, холщовые юбки и льняные пуловеры, которые носила Марина. – Так Татьяна Ивановна домой ушла с час назад. Сказала, что ей нужно к вашему приезду пироги поставить.

– Узнаю маму, – засмеялась Лера. – Ладно, спасибо, Марина. Мы тогда к ней поедem.

– По залам-то не пройдете? – Марина снова перекинула свою невообразимую косу и стрельнула глазами в Олега, томно качнув бедром. Под холщовой юбкой обозначилась упругая попка.

– В другой раз, – Лере показалось, что скрежет ее зубов эхом разнесся по двору, и, кляня себя за глупую ревность, она чуть ли не бегом бросилась в сторону ворот. Марина задумчиво проводила их живописную группу взглядом.

* * *

Когда машина тронулась в сторону поселка, Лера вдруг подумала, что мама может волноваться из-за их долгого отсутствия. С учетом прогулки по усадьбе опаздывали они уже часа на три, поэтому Лера, потыкав в кнопки телефона, была готова услышать мамин встревоженный голос.

Однако Татьяна Ивановна говорила не тревожно, а скорее, растерянно. Представить свою маму растерянной Лера не могла даже при своем богато развитом воображении.

– Мам, мы минут через десять уже будем, – сказала она. – Ты не сердись, я Олегу усадьбу показывала. А ты чего какая-то странная? Случилось что-то?

– Получается, что случилось. Ты представляешь, у меня в дом влез кто-то.

– Что-о-о?

– Ну да. Утром я на работу уходила, все в порядке было. А час назад прибежала пироги в печь поставить, тесто-то я еще с утра замесила, а у меня дверь открыта, в доме все кувырком, полный раскардаш.

– Мамочка, мы сейчас приедem, – заволновалась Лера. – Да что же это такое, господи? – в сердцах воскликнула она, отшвыривая телефон.

Мама встретила их на крылечке. Растерянное выражение ее лица заставило Леру испытать кровожадное чувство к безымянному злоумышленнику. Если бы она могла, прямо ноги бы ему повывергла! Впрочем, Лера подозревала, что знает, кто рискует остаться без ног. Бывший муженек, который принялся мстить ее родным.

– А ты похудела.

– Что? – Лера с изумлением посмотрела на мать.

– Похудела ты, говорю. Тебе идет.

– Мам, вы с бабулей сговорились, что ли? – с возмущением спросила Лера. – Вы обе говорите, что я похудела, хотя я этого не замечаю.

– Мы обе это говорим, потому что мы обе это видим. Просто при твоей дурацкой привычке носить балахоны и штаны на резинке ты сама не замечаешь очевидного.

– Вот нашла время! – в сердцах воскликнула Лера. Разговоры о своем весе и внешности она терпеть не могла.

– Что-нибудь пропало? – спросил Олег, войдя в дом и обозрев царящий там разгром.

– Да нет, – Татьяна Ивановна невольно усмехнулась, – скорее, нашлось.

– В смысле? – Лера вопросительно посмотрела на мать. – Тебе подбросили перья павлина?

– Да какие еще перья! Я всю еду еще вчера приготовила, убрала в холодильник. На столе только миска с тестом оставалась, когда я утром уходила. А когда вернулась, нашла вот что. – Татьяна Ивановна протянула дочери и зятю тарелку, на которой лежали три кроличьих окорочка.

– Что это? – у Леры даже горло перехватило.

– Кроличье мясо.

– Я вижу, что не крокодил. Мамочка, я не хочу тебя пугать, но происходит что-то странное. К бабуле в квартиру тоже влезли и подкинули перо павлина. Нам на коврике у двери оставили целого кролика. Потом мальчишки достали из почтового ящика два павлиньих пера, а у тебя тут тоже кролик, только не тушкой, а три лапы. Это не может быть простым совпадением.

– Это же бред какой-то! – Татьяна Ивановна встревоженно посмотрела на дочь.

– Бред, – согласилась Лера, – только этот бред кто-то воплощает в реальность. Я считаю, – она покосилась на внимательно слушающих их беседу сыновей и решительно отправила их во двор. – Я считаю, – сказала она, когда за мальчишками закрылась дверь, – что это Игорь. Он на днях сказал по телефону, что меня накажет.

– Что значит накажет? – Татьяна Ивановна уже начала волноваться всерьез. – Если ты считаешь, что он тебе угрожает, надо заявление в милицию писать.

– У нас сейчас полиция, – машинально поправила Лера. – Мам, ну что я там скажу? Про павлинов и кроликов? Меня же в психушку отправят!

– Но так оставлять тоже нельзя. То, что влезли в мою квартиру, да и в бабушкину тоже, это наверняка уголовно наказуемое деяние.

– Лера права, с нами никто не будет разговаривать, – вступил в обсуждение Олег. – Но и вы правы тоже, что оставлять это без внимания нельзя. Поэтому я попрошу одного знакомого, чтобы он нам помог.

– Какого знакомого?

– Да у нас в отряде парень работал, собак натаскивал. Кинолог отличный. Раньше опером был и месяца два назад на службу вернулся. Хороший мужик. Вернемся домой, я с ним встречусь, расскажу, что да как, спрошу совета.

– Вот и хорошо, – Татьяна Ивановна сразу успокоилась. – Детка, давай-ка ты тут приберешь, пока я все-таки пироги поставлю. Ведь праздник сегодня, вы приехали. Олег со своим другом во всем разберутся. Если это Игорь, то ему надо хорошенько мозги прочистить. Хотя, может, это и не он. Я пока про ваши дела не знала, на мадам одну грешила.

– На какую мадам?

– Да есть в коттеджном поселке одна. Натальей Александровной зовут. Вот уж имя на судьбу влияет! Вообразила себя наследницей Натальи Александровны Ланской, все твердит про свою дворянскую кровь и родство с Пушкиным.

– Странное родство, – криво усмехнулась Лера. – К ее потомкам после того, как Ланская стала вдовой, Пушкин уж точно отношения не имел. А фамилия у нее какая?

– Да не знаю я ее фамилии, – отмахнулась Татьяна Ивановна. – До того баба противная! Поселилась тут недавно, года два назад, и все шныряет по усадьбе, все вынюхивает. Пару раз скандал устраивала, что это-де их родовое гнездо, которое мы незаконно экспроприировали. Война у меня с ней, так что я была уверена, что это по ее наущению кто-то ко мне влез. Чтобы настроение испортить.

– А кролики тут при чем?

– Понятия не имею, – мать пожала плечами. – Хотя... Что-то у меня крутится в голове по поводу кроликов. А... Дед твой, царствие ему небесное, когда умирал, все про кроликов твердил.

– Про каких кроликов? – Лере показалось, что она ослышалась.

– Да не знаю я, про каких. Он, пока сознание не потерял, говорил о кроликах. Я не очень помню, с ним же бабушка оставалась, пока я «Скорую» встречала. Мы пришли в квартиру, а его уже в живых нет.

– Как ты думаешь, бабуля помнит?

– Как ее любимый муж из жизни уходил? Такое не забывается. Конечно, помнит.

– А ты у нее никогда не спрашивала, что именно он говорил?

– Лера, конечно, не спрашивала! Человек в бреду был. Может, в колхозе хотел крольчатник построить.

– Мам, колхоза к тому моменту уж десять лет как не было, – укоризненно сказала Лера.

– Ну, тогда в усадьбе, – маму было не так просто сбить с толку. – Какая разница!

– Никакой, но все это очень непонятно, – задумчиво проговорила Лера. Выйдя на крыльцо, она велела детям возвращаться в дом, а сама решительно набрала бабулин номер. – Привет, ба, – сказала она, когда старушка взяла трубку. – Мы к маме приехали. У нас все хорошо, а у тебя?

– Пока не жалуюсь, – степенно ответила Ксения Дмитриевна.

– Я Олегу усадьбу показывала, деда вспомнила. Мы потом с мамой о нем заговорили, и она сказала, что дед перед смертью говорил про кроликов. Ты не помнишь, что именно?

– Почему не помню? Я, слава богу, пока еще на память не жалуюсь, – бабуля усмехнулась, и Лера сразу представила ее – худенькую, с забранными в строгую кучку седыми волосами, в узеньких брючках, элегантном жакете и тапочках на каблуках. Бабуля в свои преклонные годы продолжала оставаться образцом элегантности, регулярно делая маникюр и каждый день подбирая к своему наряду кольца.

– Бабуль, что именно он говорил? – спросила Лера. – Только дословно, если можно. Это важно, я тебе потом расскажу почему.

– Он сказал, что мы должны разгадать загадку кроликов и что все спрятано у первого кролика.

– Что-о-о? И что это значит?

– Не знаю, внученька. Но он именно так сказал, а потом потерял сознание.

– И ты не думала никогда, что он имел в виду?

– Нет, не думала. Зачем? Никакой загадки про кроликов я не знаю. Что может быть где-то спрятано, тоже. Да и нечего тут знать, скорее всего. Он это в предсмертном бреду сказал.

– Ладно, бабуль, я тебя целую, – задумчиво проговорила Лера. – Мы завтра вернемся, и я четвертого обязательно к тебе приду.

– Мальчишек возьми, – попросила бабуля. – Я по ним соскучилась. А свое ценное приобретение можешь дома оставить.

– Это ты про Олега? – догадалась Лера и засмеялась. – До чего ж ты вредная, уж если кого не полюбишь, так спуска не дашь!

– А с чего мне его любить? – философски заметила бабуля. – Он еще пока ничего такого не сделал, чтобы я его полюбила.

– А если я его люблю?

– Ну, так я ж тебе не запрещаю. – Лера представила, как бабуля пожимает плечами, сидя в глубоком кресле напротив телевизора. – Люби на здоровье, а мою любовь еще заслужить надо.

Вернувшись в дом, Лера быстро пересказала маме и Олегу содержание разговора с бабулей, опустив, естественно, последнюю часть. Знать, что пожилая родственница его недолюбливает, мужу было совсем необязательно.

– Кто-нибудь что-нибудь понимает? – беспомощно спросила она. Но никто ничего не понимал.

– Выкиньте вы все это из головы! – решительно сказал Олег. – Я поговорю с Димкой Вороновым, ну, приятелем моим, который в полицию перешел, и мы что-нибудь придумаем. А пока давайте уборку заканчивать и на стол накрывать, а то мне после ночного дежурства так есть хочется, что спасу нет.

* * *

Почему-то так получается, что я всегда чувствую себя виноватой.

Мы с моим комплексом вины – точно двойняшки, причем он родился раньше меня. Минут примерно на пятнадцать.

Я – плохая жена, потому что мой первый муж всегда так говорил.

Я – плохая мать, потому что мои сыновья растут, пока я пропадаю на работе.

Я – плохая хозяйка, потому что, в отличие от мамы, не пеку пироги, не квашу капусту, к плите встаю только по выходным, а уборка у меня всегда превращается в отдельно взятый подвиг. Честно говоря, уборка – это то, что я больше всего в жизни ненавижу.

Я – плохая дочь, потому что езжу к маме гораздо реже, чем нужно. И не предлагаю делать уборку в ее квартире. По каким соображениям, читай выше.

Я – плохой друг, потому что не могу каждый день сидеть в кафе со своей подругой. И в отпуск с ней вдвоем выбраться никак не могу. Потому что у меня же дети. А теперь еще и муж.

Я – неподходящий объект для воздыхания, потому что назойливые ухаживания меня не радуют, а раздражают. Хотя надо признаться, что до появления в моей жизни Олега никто особо и не воздыхал.

Иногда перед сном я думаю о том, что так-то я вполне себе даже молодец. Специалист я хороший, дома все-таки чисто, сыновья – красавцы и умники, муж на меня не жалуется, делами мамы и бабули я интересуюсь, друзья мне могут звонить со своими проблемами даже ночью, и я им всегда помогу, чем смогу. То есть виноватой себя считать вроде как и не из-за чего.

А двойняшка мой того, не отстает. Прицепился как репей.

Пробовала его не кормить. Думала, может, проголодается, пойдет себе другой источник пропитания искать. Ну, как в поговорке: «икота, икота, перейди на Федота». Может, и с чувством вины тоже так можно.

Не переходит, зараза. Приглянулась я ему.

Вычитала на днях, будто Конфуций сказал: «Остерегайтесь тех, кто хочет внушить вам чувство вины. Ибо они жаждут власти над вами». Это ж сколько народу хотят надо

мной власти... Нет уж, ребята, дудки! Я буду делать так, как сама считаю нужным и удобным. Для себя, любимой. А уж вы, хотите обижайтесь, хотите – нет. Я перед вами ни в чем не виновата.

Глава четвертая

Как свои пять пальцев

«Мечтать – значит стремиться к счастью, веря, что, каким бы трудным ни оказалось его достижение, все будет именно так, как ты мечтаешь».

Наталья Орейро

Все-таки дед его жены, несмотря на все свои фронтовые и мирные заслуги, был форменный дурак. Держать в руках такое богатство и не захотеть этим воспользоваться! Просто уму непостижимо. Ну ладно, в советские годы с этим можно было и на нары загреметь, но уж после перестройки...

Знал же, сволочь старая, про клад, и ни словечком никому не обмолвился. Всю жизнь свою в тайне это держал. Хорошо, что хоть перед смертью язык развязал. Однако что толку, что он теперь знает, что именно нужно искать и какой пароль скрывает доступ к сокровищу? Место же хрыч так и не выдал! То ли забыл, то ли просто не успел. Ищи теперь, свищи.

Но он найдет, обязательно найдет! Он просто обязан устроить для своей матери ту жизнь, которую она заслуживает по праву своего рождения. Она – Ланская, и он – Ланской, пусть даже они и носят совсем другую фамилию. И усадьба эта – его, и клад, который старая сволочь Рокотов куда-то запрятал, тоже его.

Черт, как обидно, что эти три стервы – две старые, одна молодая – не могут понять, где именно все спрятано! Неужели Рокотов так и не оставил им ключа? Ведь он же знает, знает этот ключ, вот только понять бы, где та дверь, которую он отпирает.

Что ж, пока они не догадаются, он любой ценой должен держать их в поле своего наблюдения, не терять из виду. Рано или поздно они, благодаря его помощи, его подсказкам, все-таки поймут, что Рокотов оставил им неплохое наследство, а поняв, обязательно догадаются, где именно оно лежит. В конце концов, не зря же старик свою доченьку ненаглядную хранительницей музея поставил. Понимал же, гад, что свой человек должен усадьбу сторожить, чтобы, когда время придет, достать все втихомолку да и толкнуть за границу. И вот после этого можно будет начать жить по-настоящему.

Надо вводить в игру девочку. Не хотелось бы, конечно. Она, несмотря на юный возраст, не по годам хитра, как щука вцепится острыми зубьями, не отдерешь без крови. Но без нее он не справится. В городе он еще может присматривать за этим проклятым рокотовским семейством, а вот в усадьбе ему будет нужен помощник, который станет его глазами и ушами.

Мужчина, кряхтя, поднялся с кресла, стоящего у письменного стола, и, подойдя к шкафу, достал из него керамическую табличку. Эту табличку дед его жены трепетно хранил до конца своих дней. Небольшой прямоугольник плитки был теплым на ощупь. Выпуклые листья и цветы складывались в хитрый, внимательный павлиний глаз, который, глядя на него, будто насмеялся над бушевавшей в его душе бурей.

Он погладил белую чашу, на минуту прикрыв глаза, почувствовал запах травы, покрытой утренней росой, и глубоко вздохнул. С этой плиткой были связаны самые смелые его мечты, и он был убежден, что скоро, совсем скоро они обязательно воплотятся в реальность.

* * *

Все страньше и страньше... Обдумывая события, которые происходили вокруг нее в последнее время, Лера не могла не вспомнить любимую присказку из «Алисы в Стране чудес».

В ее случае странным было все вокруг, однако, составляя полный перечень всего непонятного и необъяснимого, что ее тревожило и волновало, Лера не могла не включить в него одним из первых пунктов тот факт, что она стремительно худела.

Бабуля с мамой были абсолютно правы. Вернувшись из деревни Горка, Лера встала на весы и убедилась, что сбросила пять килограммов. Достав из шкафа летние джинсы, которые, в отличие от большинства ее штанов, были не на резинке, а на нормальном поясе с пуговицами, она натянула их и убедилась, что между застегнутым поясом и животом легко влезает кулак.

Объяснения этому факту не было. Лера все время хотела есть и постоянно жевала то булочку, то орехи, то изюм, нещадно ругая себя за это, но не в силах остановиться. Впрочем, впервые в жизни каждый съеденный грамм не прилипал намертво к бедрам и пышной груди, не увеличивал «фонарики» на руках, а сгорал бесследно, еще и уводя с собой «пленных».

Напаянный сарафан, в который она еще в прошлом году наотрез перестала влезать, свободно крутился вокруг ее постройневшей фигуры. Спустя еще неделю он превратился в бесформенный мешок, потому что Лера похудела еще, и теперь весила всего лишь восемьдесят килограммов. В последний раз эту цифру на весах она видела еще до рождения Антошки.

«Может, я болею чем?» – с тревогой думала она, разглядывая ставший бесполезным гардероб. Денег на обновления категорически не было. Болеть не хотелось.

Впрочем, выход из положения был известен, к нему Лера прибегала всегда, когда у нее выходила из строя какая-нибудь вещь или она полностью «выпадала» из размера. Напротив ее работы расположился прекрасный секонд-хенд, в котором предлагались джинсы на любой вкус, размер и кошелек. Вчера, забежав туда в обеденный перерыв, Лера стала счастливой обладательницей новых (для нее) черных джинсов и стильной белой туники, прикрывающей бедра.

Радость от покупки усиливал тот факт, что Лера потратила на нее всего триста рублей, что не могло нанести значительного ущерба семейному бюджету. Вспомнив про бюджет, она невольно вздохнула, поскольку так и не смогла решиться воплотить в жизнь свою угрозу и подать на алименты. Впрочем, сделать это было все-таки необходимо. Ее зарплаты решительно не хватало, и хотя во время субботних поездок в супермаркет за продуктами платил всегда Олег, попросить у него денег на текущие расходы она почему-то не решалась.

Олег... Крутясь перед зеркалом в выстиранных вчера, пока его не было дома, обновках и предвкушая, что он скажет, когда ее увидит, Лера чувствовала приятное тепло внутри. Оно всегда возникало, когда она думала о муже. За несколько месяцев он въелся в ее кровь, плоть и сознание так, что она даже не могла представить возможной жизни без него. Он был замечательный, и Лера искренне огорчалась, что бабуля никак его не примет.

Хлопнула входная дверь, горячая волна радости из груди поднялась выше, залила голову, заставив жарко покраснеть щеки. Муж вернулся с работы, и впереди у них – тихий семейный вечер, в котором есть место неспешным разговорам, возне с мальчишками, поцелуям украдкой и полному слиянию душ и тел, когда сыновья уснут.

– Ух ты, какая красота! – восхитился муж, войдя в комнату и обняв ее перед зеркалом. – Какая же ты красивая, Лерка! Я даже мечтать никогда не мог, что у меня может быть такая жена.

– Вы, сэр, льстец и болтун, – поддела она его. – У меня есть глаза, поэтому в твоих комплиментах я вижу какой-то скрытый смысл. Ты явно чего-то от меня хочешь.

– Конечно, хочу, – согласился он. – Я корыстолюбив до неприличия. И очень надеюсь, что меня покормят, потому что мужчина, вернувшийся с охоты, всегда голоден. Кстати, я там, в прихожей, оставил мамонта. Разберешься с ним?

– Какого мамонта?

– Продуктов я купил, мне премию дали, – объяснил Олег, целуя ее в ухо, от которого тут же побежал ток к остальным частям тела. – Но список моих желаний этим не ограничивается. Когда ты поджаришь мамонта, я, как твой господин, желаю выпить с тобой чаю, послушать,

как у тебя прошел день, и потом возлежать рядом с тобой на кровати, осыпaeмый щедрыми ласками. Как тебе такая программа?

– Сгодится, о мой падишах, – засмеялась Лера. – Ты будешь один есть или Степку с тренировки дождешься?

– А Антошка дома?

– Да, уроки делает.

– Тогда я пойду с ним повожусь, а ужинать будем все вместе. Нельзя нарушать семейные традиции.

У их семьи уже есть традиции! Это была чертовски приятная мысль, которую Лере было чертовски приятно обдумывать, пока она жарила картошку, именно так, как любил Олег, с хрустящей корочкой, варила толстые сочные сардельки, которые скрывались под шкурой мамонта, накрывала на стол, откупоривала банки с маринованными помидорами и нарезала замороженное перченое сало. Олег любил такую еду, сытную, добротную, простую, такую, как он сам.

– Лера... – она обернулась на голос мужа, который звучал как-то странно. – Лера, а откуда у тебя это?

В руках муж держал керамическую плитку, которая лежала на шкафу, служа подставкой под большой цветочный горшок с вьюнком, красиво спадающим вниз и закрывающим шкаф и ближайшую стену зеленым водопадом листвы. Это было очень красиво, но, поливая цветок, Лера всегда боялась испортить дорогой шкаф, поэтому и подложила под горшок плитку, которая на самом деле когда-то служила изразцом у неведомой печи. Так говорил дед.

– От деда осталась, – сказала она, не понимая, почему Олега так заинтересовал кусок обожженной глины. Изразец, конечно, был красивый, с ярким выпуклым цветочным узором, который, казалось, пах летом, но уж не настолько впечатляющим, чтобы заставить мужа чуть ли не волноваться. – А что тебя удивляет?

– Просто у моего деда есть точно такая же, – медленно ответил Олег.

– Правда? Что же получается, у тебя есть дед?

– Конечно. У тебя же есть бабушка. А он даже моложе, чем она. Восемьдесят пять ему. Но если с ним сесть водку пить, он мне еще фору даст. Я тебя с ним обязательно познакомлю. Он удивительный человек, всю жизнь антиквариатом занимается. Человек очень увлеченный, поэтому и рассудок держит в добром здравии, да и тело тоже. Он в свободное время знаешь чем увлекается?

– Гонкой на мотоциклах? – Лера слабо улыбнулась.

– Нет, разгадыванием кроссвордов. Мы ему отовсюду их тащим, где только видим. При чем он серьезно к этому относится. У него на столе в кабинете стопка словарей и энциклопедий. Он, чтобы нужное слово найти, может час сидеть с лупой.

– А лупа зачем?

– Видит уже плохо. Упертый, ужас. Так вот, у него есть точно такая же плитка. Он, когда домой приходит, на нее ключи кладет. Поэтому я и удивился, увидев у тебя такую же.

– Олег, а почему ты меня со своей родней не знакомишь? С мамой?

– Лерочка, – муж слегка отстранился от нее, повернул к себе лицом и заглянул в глаза, – надо подождать немного. Вот дед у меня человек замечательный, добрый, веселый. Вы с ним друг другу обязательно понравитесь. Вот совпадут у нас с тобой ближайшие выходные, и мы обязательно к нему сходим. А вот мама... Она у меня непростая довольно-таки.

– То есть твой скоропалительный брак со мной она не одобрила, – констатировала Лера.

– Не то чтобы с тобой, она же тебя не видела даже. Скорее, ей не понравился сам факт моего развода. Она убеждена, что в нашей семье мужчины женятся один раз и на всю жизнь. И доводов, что этот раз может быть неудачным, а жизнь вследствие этого несчастливой, не принимает. Погоди, она привыкнет к этой мысли, и я вас познакомлю. Просто пока не время.

– Да уж, прямо Монтекки и Капулетти, – в сердцах сказала Лера. – Ты моей бабушке тоже почему-то не нравишься. И она тоже никак не может смириться, что я теперь счастлива.

– Не суди, – попросил Олег. – Пожилым людям трудно принять перемены в жизни. Даже если это счастливые перемены. Наладится все. И бабушка твоя признает, что я, в общем-то, мужик неплохой. И мама моя тебя примет. А нет, так и не надо. Мы взрослые уже люди, главное, чтобы нам вдвоем хорошо было. Нам же хорошо?

– Хорошо, – не очень уверенно сказала Лера, которой неприятна была мысль, что их брак так сильно не одобряет вся родня.

– Ты вот мне расскажи лучше, почему твои бабушка и дед твою маму так поздно родили. Я посчитал, твоей бабушке уже тридцать четыре года было, когда Татьяна Ивановна появилась. Они же рано поженились.

– Да, рано, сразу после войны. Но ничего таинственного тут нет. Просто у моей мамы был еще старший брат. Николай. На целых десять лет ее старше. Так что мама – просто второй ребенок в семье. Вот и все.

– То есть у тебя, получается, дядя есть?

– Есть. То есть был. Он погиб, – Лера помолчала. – Вместе с моим отцом. Они были друзья всю жизнь почти. Со школы дружили, вместе в летное училище поступили. Вместе закончили. Мама на их глазах выросла, а потом, после их училища и армии, вдруг выяснилось, что она из курносой девчонки превратилась в красавицу.

Они вдвоем как-то в отпуск приехали вместе, и папа в маму влюбился. Они поженились, я родилась. А потом их отправили летать в Конго, по контракту. Времена такие были, уже голодные, авиация сворачивалась, а тут заграница. В общем, они уехали туда работать и разбились. Вместе. В одном самолете. Дядя Коля был командиром экипажа, а папа – вторым пилотом.

– Прости, – Олег снова обнял ее и прижал к себе. – Я не знал. Извини, если тебе больно это вспоминать.

– Да уже много времени прошло. Мне десять лет тогда было. Маме гораздо хуже пришлось, она папу очень любила. Они замечательно жили, так, как в книжках пишут. И тут она осталась одна. Хорошо, что как раз дед добился, чтобы усадьбу признали памятником, к делу ее приставил, а то она совсем закисло бы с горя. А так некогда было.

– Твоя мама – очень сильная женщина, – задумчиво сказал Олег. – И бабушка тоже. Сына потеряла, а по ней и не скажешь.

– Так что она, по-твоему, должна до сих пор головой о стены биться? Они помнят обе. И папу, и дядю Колю. Помнят и любят. Но жизнь-то продолжается.

– Знаешь что, а давай к твоей бабушке съездим, – вдруг предложил Олег. – Мне нужен шанс доказать, что я тебя не съем и что мне вполне можно доверять. Торт купим и поедем.

– А ужин? – с сомнением спросила Лера, глядя на скворчащую сковородку с совсем уже готовой картошкой.

– Вот сейчас Степку дождемся, поужинаем и поедем. Чай у бабушки попьем. Хорошо?

– Ладно, – с легкой неуверенностью в голосе сказала Лера. – Только я ее предупреждать не буду, а то она скажет, чтобы мы не выдумывали на ночь глядя детей одних оставлять. Скажем, что в кино ходили и мимо шли.

– Да вы, Валерия Константиновна, врунишка, – засмеялся муж. – Ладно, тебе виднее. Я, признаться, твоей бабушки боюсь немного.

Бабуля, к великому удивлению Леры, строгости не проявила и вопросов задавать не стала. Открыв дверь, она всплеснула руками:

– Лерочка, деточка, как хорошо, что ты пришла. Представляешь, мне почтальонка наша посылку принесла, минут десять тому назад. Я удивилась, потому что некому мне посылки присылать, расписалась где положено, распечатала, а там...

– Золото, бриллианты? – насмешливо спросила Лера. – Или гуманитарная помощь, как участнику войны?

– Вот, сама посмотри, – недоуменно улыбаясь, бабушка указала на круглый деревянный стол, много лет стоящий в центре большой гостиной рокотовского дома. На столе, посредине разорванной бумажной упаковки, красовались пять коробок кроличьего корма.

* * *

Лера нервничала. Этого адвоката ей подсунула Злата и даже возражений слушать не пожелала. По мнению подруги, Лера была мягкотелой недотепой, которая позволяла всяким мерзавцам (читай – бывшему мужу) пользоваться ее недотепистостью.

– Это его дети, – выговаривала Злата. – Настоящие мужики даже в случае развода детей не бросают, это тебе хоть понятно?

– Понятно, – уныло соглашалась Лера, вспоминая Олега с его алиментами. Она понимала, что Злата имеет в виду вовсе не Олега, а своего мужа, красавца-олигарха, с которым познакомилась при ужасно романтических и приключенческих обстоятельствах². У него детей было четверо, всем им он помогал, но на его благосостоянии это никак не сказывалось. У Олега случай был совсем другой, но деньги на свою дочь Алену он давал бывшей жене исправно. Но все это делалось добровольно. От перспективы судебной тяжбы с Игорем у Леры заранее начинали болеть все зубы сразу.

Адвокат оказался маленьким кругленьким мужичком лет пятидесяти. Особого доверия его внешний вид – мешковатые штаны, жеваный галстук и очки, как-то криво сидящие на мясистой переносице, – у Леры не вызвал. Но делать было нечего. Все пути к возможному отступлению были перекрыты грозным видом маленькой, хрупкой, совершенно не страшной Златы. Огорчать желающую ей добра подругу Лере не хотелось, да и правоту Златы она, скрепя сердце, признавала.

– Ну что же, голубушка, – сказал адвокат, когда она расположилась на стуле напротив него. – Рассказывайте мне, как вы дошли до жизни такой и что намерены получить с вашего бывшего мужа.

– Ничего, кроме алиментов на детей, – честно призналась Лера. – При разводе квартира осталась мне, потому что это жилье моих родителей. Игорь к нему никакого отношения не имел. Мама у меня много лет живет за городом, поэтому жилищный вопрос перед нами никогда не стоял. Мебель мы тоже не меняли, только телевизоры современные купили, холодильник и прочую бытовую технику. Когда мы расстались, муж забрал один телевизор и посудомоечную машину, все остальное стоит на своих местах.

² Подробнее в романе Людмилы Зарецкой «Мой любимый сфинкс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.